

Conrad Spies
Letters from Bali

Contents

Conrad Spies to Sophie Spies, 1.6.1930	3
Conrad Spies to Sophie Spies, 22.6.1930	5
Conrad Spies to Ida von Wogau, 1 August 1930	7
Conrad Spies to Sophie Spies, 24 August 1930.....	9
Conrad Spies to Sophie Spies, 5.9.1930	12
Conrad Spies to Maria Spies, 1.10.1930.....	14
Conrad Spies to Sophie Spies, 14.10.1930.....	16
Conrad Spies to Sophie Spies, 19 October 1930. Bali	18
Conrad Spies to Ida von Wogau, 10/26/1930	20
Conrad Spies to Sophie Spies, October 26, 1930.....	21
Conrad Spies to Sophie Spies, 20.11.1930.....	23
Conrad Spies to Maria Spies, 11/30/1930.....	24
Conrad Spies to Otto Spies, 16.12.1930.....	27
Conrad Spies to Sophie Spies, 18.12.1930.....	29
Conrad Spies to Sophie Spies, 25.12.1930.....	31
Conrad Spies to Sophie Spies, 30.12.1930.....	33
Conrad Spies to Sophie Spies, 10.01.1931	35
Conrad Spies to Sophie Spies, 15 January 1931.....	37
Conrad Spies to Sophie Spies, 19 February 1931	39
Conrad Spies to Sophie Spies, 1 April 1931	42
Conrad Spies to Ida von Wogau, 22.4.1931	46
Conrad Spies to Maria Spies, 5/29/1931.....	49
Conrad Spies to Maria Spies, July 14, 1931	50
Conrad Spies to Otto Spies, July 15, 1931, Oeboed	52
Conrad Spies to Sophie Spies, July 16, 1931	57
Conrad Spies to Sophie Spies, 20.7.1931	58
Conrad Spies to Maria Spies, July 31, 1931	60
Conrad Spies to Sophie Spies, 9.8.1931	61
Conrad Spies to Sophie Spies, 27.8.1931	62
Conrad Spies to Maria Spies, 10/2/1931.....	64
Conrad Spies to Sophie Spies, 10.10.1931	65
Conrad Spies to Sophie Spies, 15 November 1931.....	67
Conrad Spies to Sophie Spies, 20.11.1931	70
Conrad Spies to Maria Spies, 11/22/1931.....	72
Conrad Spies to Ala Story, 23 November 1931.....	74
Conrad Spies to Sophie Spies, 25.12.1931	76
Conrad Spies to Maria Spies, 12/28/1931.....	78
Conrad Spies to Sophie Spies, 8.2.1932	79
Conrad Spies to Sophie Spies, 18.2.1932	84

Conrad Spies to Sophie Spies

Near Crete, 1.6.1930¹

The sea voyage is divine, in perfect weather, oil-smooth sea, no swaying, no breeze, only the sound of the wind. From dawn till dusk—blue and blue, then stars and crescent moon, and noise of the keel waves. Simply marvelous!

All that lies behind me is forgotten, I don't think back to anything. Only ahead & on today. It strikes me as odd that I could have such regrets about leaving the old. After a while I will like to remember it, but now I am overwhelmed by too many new impressions and neither ASV² nor the Brandts nor anything else awakens any longing in me.

The exit from Genoa is very nice, very nice. By the way, seeing your mother waving and sobbing makes you cry. Forgive me if I seemed indifferent; it took all my courage not to cry, and I managed to do it. But being so far away again, I love You and see Your goodness, nothing else!

To comfort you: I am doing so well and I am very happy, and we will see each other again—it is actually so close.

It's quite nice on board, although the nice people are in the 2nd class, where I sometimes go on deck, but mine here are also good and honor me with little things, even though I'm a bit cold. Anyway, everyone is extremely kind to me and my cabin neighbor is nice to me, used to be in India and lectures me when I ask.

Food and bath is good, lounge chairs and books, some writing, dolphins and ships, the

Bei Kreta, 1.6.1930

Die Seereise ist göttlich, bei vollendetem Wetter, ölglatte See, kein Schwanken, kein Lüftchen, nur Fahrtsäusel. Von früh bis spät blau u. blau, dann Sterne u. Mondsichel, u. Rauschen der Kielwellen. Einfach herrlich!

Alles was hinter mir liegt, ist vergessen, ich denke an nichts zurück. Nur voran u. an heute. Es kommt mir komisch vor, dass ich so etwas Bedauern haben konnte, das Alte zu verlassen. Nach einiger Zeit werde ich mich gerne daran erinnern, nun bin ich aber von zu vielen neuen Eindrücken übermannt und weder ASV noch die Brandts noch sonst was erwecken Sehnsucht in mir.

Die Ausfahrt von Genua ist sehr schön, sehr schön. Übrigens wird man weinerlich gestimmt, wenn man seine Mutter winken und sich schluchzen.. sieht. Verzeih: wenn ich etwas gleichgültig und hart tat um mir Mut zu machen und um nicht zu heulen, was mir gelang. Aber da ich wieder so weit weg bin, habe ich Dich lieb und sehe Deine Güte, sonst nichts!

Um dich zu trösten: es geht mir so gut und ich bin sehr glücklich, u. wiedersehen wird man sich auch – es ist eigentlich so nahe.

An Bord ist es ganz nett, zwar sind die netten Leute in der 2. Klasse wohin ich manchmal an Deck gehe, aber auch meine hier sind brav und ehren mich mit Kleinigkeiten obwohl ich etwas kalt bin. Jedenfalls sind alle äußerst liebenswürdig mit mir und mein Kabinennachbar ist mir angenehm, war früher in Indien und belehrt mich wenn ich frage.

Essen und Bad ist gut, Liegestühle und Bücher, etwas Schriftstellerei, Delphine u. Schiffe, Sonne, die herrlich untergeht, u. Musik, was

¹ Letter №1.

² Akademische Sportverein Dresden, The Academic Sports Club Dresden.

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

sun setting beautifully and music, what more do I need. Yes, a flirt would be nice, but 3rd class is nothing and I didn't get any further. The Stromboli was beautiful, the Strait of Messina also shimmered wonderfully from 9–10 in the evening with 100.000 lights and there was country air. It's beautiful in the world, I'm so happy.

Shall I send you 25 £, so that you can get your money's worth? I'll be fine, I'm sure.

Vaccination on board tomorrow—don't worry.
Greet all,

your Kozya

brauche ich mehr. Ja ein Flirt wäre nett aber 3. Klasse ist nichts u. weiter bin ich nicht gekommen. Der Stromboli war schön, die Straße von Messina abends von 9-10 auch herrlich schillernd in 100000 Lichtern u. es kam Landluft rüber. Es ist schön in der Welt, ich bin so froh.

Soll ich Dir 25 £ schicken, damit Du auf Deine Kosten kommst? Es wird mir gut gehen da bin ich mir sicher,

Impfung morgen an Bord – Keine Sorge.
Grüße alle,

dein Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Batavia, 22.6.1930¹

Dear ma!

Don't worry—it's a great ride, it's a wonderful place to be here. I liked the trip very much: beautiful, calm and pleasant; the first day in the Indian Ocean there was some rocking, then I got used to it and soon calmed down, so it was like clockwork all the way. You get used to the heat quickly, imperceptibly; or rather, you become accustomed to perspiration, for you perspire almost incessantly. It's wet in the cabin at night, but here the first night yesterday it was a little cold, sleeping naked, although, of course, it's also warm.

Here I wander around the city to hotels. Almost all alone, there is one Dutchman from the steamer whom I meet. I haven't given my letters of recommendation yet, it's Sunday. I'll take care of it tomorrow.

The city is wonderful, in the center there are luxurious buildings of Europeans, everything is so wide, in grand style, hundreds of cars, there is a lot of traffic, but almost all the natives walk, on bicycles, in small cabs, squat anywhere, bathe and wash clothes in canals like Gracht².

There is a tram, a wonderful electric train, everything, everything you want. I live in a boarding house, for six pounds a day with food, very good, although not at all like in Europe, neither the room nor the food. The room has a bed, a table, a wardrobe, two chairs and a wash-basin, the walls and floor are like in a bathroom

Batavia, 22.6.1930

Дорогая ма!

Не волнуйся — доехал прекрасно, устроился здесь замечательно. Путешествие очень понравилось: красиво, спокойно и приятно; первый день в Индийском океане немного закачал, потом привык и скоро утихло, так что всю дорогу как по маслу. К жаре привыкаешь скоро, незаметно; или, вернее сказать, привыкаешь к поту, ибо почти беспрестанно потеешь. В каюте и ночью мокрый, но здесь первую ночь вчера немного мерз, спя голеньким, хотя конечно, тоже тепло.

Здесь шатаюсь по городу по отелям. Почти всё один, есть один голландец с парохода, с которым встречаюсь. Мои рекомендательные письма ещё не отдавал, воскресный день. Завтра похлопочу.

Город чудный, в центре роскошные здания европейцев, всё так широко, из большого кармана, авто сотнями, движение большое, но почти все туземцы пешком, на вело, маленьких извозчках, сидят на корточках, где попало, купаются и моют бельё в каналах вроде Grachte.

Есть трамвай, замечательный электрический поезд, всё, всё, что пожелаешь. Живу в отель-пансионе, за шесть фунтов в день с едой, очень хорошо, хотя совсем не как в Европе, ни комната ни еда. В комнате кровать в 2 метра, стол, шкаф, два стула и умывальник, стены и пол как в ванной комнате из плит, много москитов, ящериц на потолке, — очень славные, ловят комаров. Дверь в длинный двор, совсем наружу стоят паль-

¹ Letter №2.

² Gracht is a Dutch word for a canal within a city.

made of tiles, there are a lot of mosquito, lizards on the ceiling,—very nice, they catch mosquitoes. A door to a long yard, palm trees and flowers are standing completely outside, neighbors are sitting, everyone has a veranda, where I am sitting now.

My plans are: on Wednesday to go to Bandung to Külsen, from whom I expect a letter, then to Valya. Write to Deutsches Konsulat General, Koningsplein-Zued, H. Batavia.

While I'm getting used to it, I need to know the Malay language, here only the Dutch and the authorities speak Dutch, everyone else—not a word, I speak with gestures and from the dictionary—boredom!

So, be calm and dry your tears while everything is wonderful! Bow to all!

Kiss,

your Kozya

P.S. Forward the letter to Dresden. You can read it! Now you will not hear from me for a long time,—a sign that everything is in the best order and I am writing a book. I don't know your address in Ischl.

мы, цветы, сидят соседи, каждый имеет веранду, где и я сижу теперь.

Планы мои: в среду ехать в Bandoeng к Kuelsen, от которых жду письмо, потом к Вале. Пиши Deutsches Konsulat General, Koningsplein-Zued, H. Batavia.

Пока привыкаю, язык малайский знать надо, здесь только голландцы и авторитеты говорят по-голландски, все остальные — ни слова, говорю жестами и из словаря — скука!

Значит, будь покойна и вытри слёзы, пока всё замечательно! Поклонись всем!

Целую,

твой Козя

P.S. Перешли письмо в Дрезден. Можешь читать его! Теперь долго не услышишь от меня, знак, что в все в лучшем порядке и я пишу книгу. Не знаю твоего адреса в Ишле.

Conrad Spies to Ida von Wogau

Oeboed/Zuid-Bali, 1 August 1930

Dear Aunt Ida!

A few days ago I arrived here, at my destination. I could not have set myself a more beautiful destination and I did not imagine it to be sooo beautiful: wonderful landscape, wonderful people, wonderful climate, wonderful division of the day, if one can speak of “division” at all, very interesting folk habits, animal world, insects (only beautiful ones, no annoying ones!), terribly nice passing friends (tourists, artists, film people, from all over the world), nice Balinese neighbors I can’t talk to yet, toothed monkeys, wild monkeys across the valley, car to get everywhere, Valya—very nice, cozy and “grand”, various plans I can make—oh, everything is so nice that I am quite happy! (it should be said: happy as long as it pleases me, but then, like everything and always I will get tired of it and will long for something new.

Java was also quite nice, first a bit lonely in parties and boring hotels, then at Külsen on a Chinin plantation, then in Bandoeng (Dago, where Valya picked me up by car, and then together to Djokja, Solo Soerabaia, always invited to his friends, on the way looked at old temples, craters etc, fine!

I think of Europe sometimes, would like to be there at the same time, if it were possible, but do not miss it, not at all, besides, when I tell about Europe, or hear tell, or Valya plays music or gramophone, I forget completely that I am in India, can hardly imagine how far it is, as if I were there yesterday.

Ask Mama, to say hopefully to Hilga that Dr. Robert Lesk is back to Vienna, in March

Oeboed/Zuid-Bali, 1 August 1930

Liebe Tante Ida!

Vor einigen Tagen bin ich hier, am Ziel, angelangt. Ich hätte mir kein schöneres Ziel setzen können und ich hab es mir auch nicht sooo schön vorgestellt: herrliche Landschaft, Herrliches Volk, herrliches Klima, herrliche Tages-einteilung, wenn überhaupt von “Einteilung” gesprochen werden kann, sehr interessante Volksgewohnheiten, Tierwelt, Insekten (nur schöne, keine lästigen!), furchtbar nette vorübergehende Freunde (Touristen, Künstler, Filmleute, aus aller Welt), nette Balinesen-Nachbarn, mit denen ich mich noch nicht unterhalten kann, gezähnte Affen, wilde Affen gegenüber im Tal, Auto, um überallhin zu gelangen, Valya – sehr nett, gemütlich und “grand”, verschiedene Pläne, die ich machen kann – ach, alles ist so schön, dass ich ganz glücklich bin! (es sei gesagt: glücklich, so lang es mir gefällt, aber dann, wie alles und immer werde ich es müde und über und werde mich nach was neuem sehnen.

Java war auch ganz nett, zuerst etwas einsam in Feiern und langweiligen Hotels, dann bei Külsen auf einer Chinin-Pflanzung, dann in Bandoeng, Dago, wo Valya mich per Auto abholte, und dann gemeinsam nach Djoja, Solo, Soerabaia, immer eingeladen bei seinen Freunden, unterwegs alte Tempel, Krater etc angeschaut, fein!

An Europa denke ich manchmal, wurde zu gleichen Zeit gern auch dort sein, wenn es ginge, aber vermisse es nicht, gar nicht, ausserdem, wenn ich von Europa erzähle, oder erzählen höre, oder Valya musiziert oder Grammophon spielt, vergesse ich ganz, dass ich in Indien bin,

CONRAD SPIES TO IDA VON WOGAU

or May, so unfortunately I could not deliver her greetings, this with thanks and kind regards, please.

And otherwise kiss all from me, the good Selma hot and intimate, greet Dr. Mayer (for whom did he give me his card?) and all the best and beautiful to you all.

With warm kisses,

your Kozlik

kann mir kaum vorstellen, wie weit es ist, als ob ich gestern noch da war.

Bitte Mama, Hilda hoffenreich zu sagen, dass Dr. Robert Lesk zurück nach Wien ist, im März oder Mai, sodass ich leider ihre Grüsse nicht austragen konnte, dies mit Dank und herzlichen Grüßen, bitte.

Und sonst küsse alle von mir, die gute Selma heiss und innig, grüsse Dr. Mayer (für wen hat er mir seine Karte mitgegeben?) und alles Gute und Schöne Euch allen.

Mit herze Küss,

dein Kozlik

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 24 August 1930¹

Dear Mama!

Thank you for your letter with all sorts of news! I am still very interested in all this, although I am staying outside now and find out everything very late. But with a delay I can also get carried away, express sympathy or whatever is required. After all, I have always loved to write letters, that is, do not worry that I will forget or stall like the brother. There is always a free minute.

I wanted to ask if anything came out of the picture on the balcony of Aunt Ida². Zelma tried hard there, maybe you can send it to me? Then here's another thing: my camera doesn't want to get used to the local circumstances, it doesn't want to click (*knipsen*), or it stays open and spoils the films, and in general all the pictures are not very successful. And now the lens also seems to be steamed-up (*die Linse beschlägt*).

And so I decided to send it to you or to papa to correct it (papa knows where, because he bought it, but in general, it doesn't matter, they can do it everywhere), and then take it for yourself to enjoy while I'm here and it's not needed for me. In Europe, it worked great and takes good pictures, that is, you will be satisfied, you just need to give it for correction first, a little in general! And here I am buying myself a new camera, I have already chosen it and I know the results.

I play football in the village; very funny and fun that there is sport; maybe I'll stay trained.

¹ Letter №3.

² Sophie's sister.

Убуд, 24 августа 1930

Дорогая мама!

Спасибо за письмо со всякими новостями! Меня всё это ещё очень интересует, хоть я и сбоку-припёку теперь, и узнаю всё очень поздно. Но могу с опозданием тоже увлекаться, выражать сочувствие или что там требуется. Я ведь всегда любил писать письма, то есть не беспокойся, что забуду или заглохну вроде брата. Свободная минута всегда есть.

Хотел спросить, вышло ли что-нибудь из снимка на балконе у тёти Иды. Зельма старалась там, может, пришлешь мне? Потом вот ещё какая штука: мой фотоаппарат не хочет привыкнуть к здешним обстоятельствам: то не хочет щелкать (*knipsen*), то остаётся открытым и портит фильмы, и вообще все снимки не очень удачные. А теперь кажется ещё и линза запотела (*die Linse beschlägt*).

И вот я решил послать его тебе или папе, чтобы его поправили (папа знает где, так как купил, но в общем всё равно, везде смогут), а потом возьми ты его себе в удовольствие на употребление, пока я здесь и он мне не нужен. В Европе он замечательно работал и делает хорошие снимки, то есть останешься довольна, только надо отдать сперва на поправку, малость в общем! А я себе здесь покупаю новый фото, уже выбрал и знаю результаты.

Играю Fußball в деревне; очень забавно и весело, что есть спорт; авось останусь тренированным. Но и так есть движение: гуляю, прыгаю по камням и гоняю

But even so there is movement: I walk, jump on stones and chase monkeys. In general, my health has recovered, my nerves have subsided, my heart has settled down. After all, I live in an exemplary manner.

I can't tell you anything new about earnings yet; I have no place, I have not finished the book for publication. But I'm not worried, something will be formed by itself, I really feel that I will not always be free, as now! I get along with Valya in everything, we even rarely see each other somehow, only for meal.

Madame Archipenko and Frau Holt still live here, Frau Scheyer arrives, all from New York. I hope that everyone will leave soon, I do not like to look at them, as each tries to seem the most intelligent and charming and active, and laugh at the other behind their backs, ugh! each in general with a tick!

But this will also come to an end. There is also a young couple from Mexico, both very cute, he is still like a boy, but very active and interesting, he has seen the whole world. She is beautiful and very natural, "so selbstverständlich", and cheerful. And so we often visit them, then we eat at home, or we go with the car to watch something. They stay here for 6 months. But then all sorts of people from Java come along and visit, that is, they are fun and varied. I help Valya a little like Private Secretary and the batman in one person, but somehow like a joke, that is, according to my own hobby, which passes.

Well, "young lady", it seems there is nothing to write! Oh, yes, the climate here is wonderful, like in Stockholm, the breeze from the sea, the coolness, the burning sun and there are no mosquitoes here, but all sorts of ants and small beetles that sometimes bite, that is, it itches a little. And the snakes run away, I shot 2 from the air gun during a walk, and I saw one long one (Reisschlange), but I would not have noticed that there is. Yesterday I bought an iguana for 25 cents, very funny. Ask how much in

обезьян. Вообще здоровье поправилась, нервы стихли, сердце устроилось. Ведь и живу примерно.

Насчёт заработка ещё ничего нового сообщить не могу; места не имею, книгу для печати не кончил. Но не волнуюсь, само собой образуется что-либо, уж чувствую, что мне не всегда свободным быть, как теперь! С Валею лажу во всем, даже редко видимся как-то, только за едой.

Живут здесь ещё мадам Архипенко и фрау Холт, приезжает фрау Шайер, все из Нью-Йорка. Надеюсь, что скоро все уедут, не люблю смотреть на них, как каждая старается казаться самой умной и обворожительной и деятельной, и смеются за спиной над другой, тьфу! Каждая, в общем, с тиком!

Но и этому конец придёт. Здесь есть ещё молодая пара из Мексики, оба очень милые, он ещё вроде мальчишки, но очень деятельный и интересный, весь свет видел. Она красивая и очень натуральная, „so selbstverständlich“, и весёлая. И вот с ними мы часто бываем, то дома кушаем, то вместе на авто едем смотреть кое-что. Они 6 месяцев здесь остаются. Но потом ещё всякие люди из Java бывают, проездом и погостить, то есть весело и разнообразно. Я Валею помогаю немного вроде Priv. Sekr. и денщика в одной персоне, но как-то вроде шутки, то есть по собственному увлечению, которое проходит.

Ну-с, „барышня“, кажется, писать ничего! Ах да, климат здесь чудный как в Stockholm, ветерок с моря, прохлада, жгучее солнце и никаких тут москитов нет, но всякие муравьи и козявки, которые, бывает, кусаются, то есть чешется немного. А змеи убегают, я 2 застрелил из Luftpistole во время прогулки, и одну длинную видел (Reisschlange), а то и не заметил бы, что есть. Вчера купили за 25 центов Leguan, очень забавно. Спроси, сколько в Германии дают за кожу (ca 1 m

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

Germany they give for leather (approximately 1 meter long) and how much for crocodile skin (approximately 3 meter long)? Maybe I'll start such a business!

Bow to everyone, is Misya³ in Pechory? Write what she is doing, where did she decide to live, to nest? Now I will try to keep quiet until your birthday, indeed there is nothing to write about and it's better to use the time here for "writing" and for "freedom".

Kiss you very sweet and I am wondering that we were so nervous about you.

Your son Kozya

lang), и сколько за кожу крокодила (са 3 m lang)? Может, начну такое дело!

Поклон всем, Мися в Печорах? Пиши, что делает, где решила жить, гнездовать? Постараюсь теперь до твоего рождения помолчать, а то, право, писать ничего и лучше время здесь на „писательство“ употребить и на „свободу“.

Целую очень сладко и дивлюсь что из-за тебя мы нервнича[ли].

Твой сын Козя

3 Maria Spies, Conrad's sister.

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 5.9.1930¹

Golden Mama!

I am enclosing a letter for Daga², please forward it. Thanks for the news: great fun to read, but even funnier to answer.

The stomach is excellent, water is like water, and you can even drink it (spring water—filtered, or boiled water or just like that); eat food (rice, chickens, eggs, greens, fruits, bread, and so on), I feel great; beware of snakes, scorpions, but there are almost none anyway. It is much cooler at night, I often wear a pullover, sleep under a blanket and in pajamas. Yes, and during the day it is only hot in the sun, and in the shade there is a breeze. I wear hair on my head, and sometimes a soft hat. Or beret. Not many wrote to me, but sometimes there are letters. I'm interested in everything you write about: news, weddings and so on.

Ask dad to send me zippers, I want to order all sorts of clothes with him—so, 10 pieces of different lengths, of which 5 are 20-25 cm for shirts. We can't get them here.

I'm happy for Pohl. I imagined that Lilienfeld was already married, but still.

We ride around Bali a lot by car, here and there, to watch all sorts of delights, it's very cool! Often we have guests, new and old acquaintances from Java or tourists. I read a lot, I

¹ Letter №4.

² Dagmar Stucken (1905–1990) known to us as Daga, was a cousin through the Kupffer family. Conrad's grandfather Robert Julius Spies was married to Julie Kupffer. One of her sisters married a Stucken, so Daga would have been Conrad's 1st cousin.

Убуд, 05.9.1930

Золотая мама!

Влагаю письмо для Даги, прошу переслать. Спасибо за вести: очень весело читать, но отвечать ещё смешнее.

Желудок превосходен, вода как вода, и пить её даже можно (ключевая через фильтр или кипяченая или просто так); едят пищу (рис, кур, яйца, зелень, фрукты, хлеб и так далее), чувствую себя замечательно; остерегаться змей, скорпионов, но их и так нет почти. Ночью куда прохладнее, часто одеваю пуловер, сплю под одеялом и в пижаме. Да и днём только на солнце жарко, а в тени ветерок. На голове ношу волосы, а иногда шляпу мягкую. Или берет. Писали мне не многие, но иногда есть письма. Мне всё интересно, что ты пишешь, про новости, свадьбы и так далее.

Попроси папу прислать мне молнии, я хочу заказать себе всякие одеяния с ним — так, штук 10 разной длины, из коих 5 по 20-25 см для рубаш. Здесь не получили их.

За Полей радуюсь. Я воображал себе, что Лилиенфельд женат уже, но всё равно.

Много катаемся по Бали на авто, то туда, то сюда, смотреть всякие прелести, очень здорово! Часто имеем гостей, новых и старых знакомых из Явы или туристов. Много читаю, пишу, бездельничаю, играю иногда футбол в деревне. Ну и так далее. Всем привет.

Целую,

твой Козя

Валя кланяется.

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

write, I mess around, sometimes I play football
in the village. And so on. Greetings to all.

Kiss,

your Kozya

Valya bows.

Conrad Spies to Maria Spies

Ubud, 1.10.1930

Dear sister! Vaska-miska!

Listen: here you can order tools for the wood-carving from a Balinese craftsman, in what they are great craftsmen here, and such noble tools that even in Europe didn't invent them.

32 tools and 4 knives (and a hammer) of good steel cost 20 pounds here i.e. 33.5 marks, and as far as I know, it is cheaper and better than what you can buy in Europe (with the parcel would be about 40 marks).

Please let me know if you would like to get such a package, and how much instruments cost in Europe, one set, or I can start exporting if profitable.

I'm still alive and well and happy, haven't earned anything yet and haven't started building capital, but I'm not stormy: everything will work out, but for now – holidays and happiness.

Drop me a line once, and all the best! Won't you come over here?

Kisses,

your brother Goat

P.S.: Ubud, 1.10.1930

I sit on the balcony and watch the monkeys who live vis-a-vis. They drag away from our side Katella, some sort of potatoes, and coconuts. Our two tame monkeys are wonderful beasts, very intelligent and funny. I bathe with them in the river. But they are in a cage, as they spoil everything, break, drag and you can't get away from them. Recently I caught a squirrel, it's sweet, but runs away if you let it walk. We'll get a dog soon.

Убуд, 1.10.1930

Дорогая сестра! Васька-миська!

Слушай: здесь можно заказать у мастера-балийца инструменты для Holzschnitzerei, в чём они здесь большие искусники, и такие знатные инструменты, что даже в Европе их не придумали.

32 инструмента и 4 ножа (и молоточек) из хорошей стали здесь стоят 20 фунтов, т.е. 33,5 марки и, насколько мне известно, это дешевле и лучше того, что можно купить в Европе (с посылкой будет около 40 марок).

Прошу сообщить, хочешь ли ты получить такой пакетик, и сколько в Европе стоят инструменты, ein Set, а то могу начать экспорт, если выгодно.

Я всё ещё жив-здоров и счастлив, ещё ничего не заработал и не начал строить капитал, но не бушую: всё уладится, а пока праздники и счастье.

Чиркни разик, и всех благ! Сюда не заедешь?

Целую,

твой брат Козел

P.S.: Убуд, 1.10.1930

Я сижу на балконе и слежу за обезьяны, которые живут vis-a-vis. Они таскают с нашей стороны Katella, вроде картошки, и кокосовые орехи. Наши две ручные обезьянки-чудные зверюшки, очень интеллигентные и забавные. Я с ними купаюсь в речке. Но они в клетке, так как они всё портят, ломают, таскают и от них не упасёшь ничего. Недавно я поймал белку, она дуська, но убе-

In the evenings I sit and itch because all the insects bite. We went hunting in West Bali, it's weird, totally wild, no man, not a trace of human. We killed a crocodile at night with a lamp, his eyes shone, then a wild boar, saw deer and antelope, lots of monkeys, wild cows and buffalos, all kinds of animals, porcupine, weasel, wild cats, and at night we heard a tiger roar, five kilometers away, in the mountains. We swam, but there were sharks like everywhere else in the sea. And we slept on the sea in a boat, it was great fun!

Valka is very nice. All his friends are here, I don't scratch them, I just keep quiet and marvel, watching.

I was offered a place in the Belgian Congo. But I have no money to go there. What's the news from Russia? I want to go there, I'm terribly tempted!

It's going to rain soon, so far it's all sunshine and blue skies. That nonsense on the other side I have been painted on so that I know what "hole" I live in. Wonderful here! And the view from the tree on the hill is wonderful, fields, forests, mountains, almost an ocean shore (fantasy). I go bald incessantly. Ow-ow!

гает, если её пускать гулять. Скоро заведём собачонку.

По вечерам сижу и чешусь, так как кусают всякие козявки. Ездили на охоту в West Bali, чудно, совсем дико, ни человека, и ни следа человеческого. Убили крокодила ночью с лампой, его глаза блестят, потом кабана, повидали оленей и антилоп, массу обезьян, диких коров и буйволов, всяких зверьков, Stachelschwein, ласку, диких кошек, а ночью слышали слышали рёв тигра, в километрах пяти, в горах. Купались, но там акулы, как везде здесь в морях. А спали на море в лодке, очень весело!

Валька очень милый. Здесь гостят всякие друзья его, я их не чешу, вообще молчу и дивлюсь, наблюдаю.

Мне в бельгийском Конго предлагают место. Но не имею денег туда ехать. Что за новости из России? Я хочу туда пробраться, ужасно тянет!

Скоро начнутся дожди, пока всё солнце и синее небо. Ту ерунду на другой стороне намарал так, чтобы знала, в какой „яме“ живу. Чудесно здесь! А с дерева на холме вид замечательный, поля, леса, горы, чуть ли не берег океана (фантазия). Лысею беспрестанно. Ау-ау!

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 14.10.1930¹

Dear Mom!

You write often, thank you! I ask you to get new stronger envelopes, all letters come open at the seams and the leaves just fall out like that, they can get lost!

No news, besides, I recently wrote to my dad, he will probably send it to you. There is still all the sun and stars; I have already forgotten what rain is, but soon the rainy season will begin and then everything will bloom, overgrow, and our garden will burst into greenery and flowers. The guests leave in 3 weeks, we stay—two cousins. But acquaintances often call in, so we don't run wild.

Geshefts are being established, but getting a place is very unbelievable. Consul Kepler from Batavia writes to me [in German]: "It should be noted that such searches have little chance of success, since all firms reduce staff and do not even take up available positions. In addition, numerous labor forces familiar with local languages and customs are also looking for places on their part, so that the prospects for new arrivals are even worse".

Such news does not raise hopes, and I do not really expect that I will find a place here, in the Dutch Indies. So much the better, I will be forced to break through with what I wanted, on my own free will!

1 Letter №5.

Ubud, 14.10.1930

Дорогая мама!

Часто пишешь, спасибо! Прошу обзавестись новыми конвертами покрепче, все твои письма приходят открытыми по швам и листочки только так и сыпятся, могут затеряться!

Новостей никаких, кроме того, что я совсем недавно написал папе, он тебе пришлет, наверное. Пока всё солнце и звёзды; уже позабыл, что такое дождь, но скоро начнётся сезон дождей и тогда всё зацветёт, зарастет, и наш сад вспыхнет зеленью и цветами. Гости уезжают через 3 недели, остаёмся мы — два кузена. Но часто заезжают знакомые, так что не одичаем.

Налаживаются гешефты, а место получить очень невероятно. Мне пишет консул Кеплер из Батавии [по-немецки]: Нужно заметить, что такие поиски имеют мало шансов на успех, так как все фирмы сокращают персонал и не занимают даже имеющиеся места. Кроме того, многочисленные рабочие силы, знакомые с местными языками и обычаями, со своей стороны тоже ищут места, так что перспективы для вновь прибывших еще более ухудшаются.

Такие вести надежды не повышают, и я не очень-то рассчитываю, что найду здесь, то есть в Голландский Индии, место. Тем и лучше, буду принужденно пробиваться тем, чем хотел по собственной воле!

Буня меня озадачивает, он кажется изменился, насколько я вычитал из его строчек, которые ты переписала. Гернер на него может только хорошее влияние иметь, он

Bunya² puzzles me, he seems to have changed, as far as I read from his lines that you rewrote. Gerner can only have a good influence on him, he is a smart guy and with a soul. Bunya becomes business-like, but he forgot his soul a little, but it is passing, while it is being formed, because his soul is wider than that of Gerner. In me, all this is more balanced, one does not interfere with the other. It will be interesting for me to read Bunya's letter!

I want to go to Peter Shlippe, in the Belgian Congo, there is work and everything that makes it fun, but I don't have money for travel—it's crappy! It's a pity to miss the chance, but there's nothing to be done, and I don't want to make a debt.

Hello to everyone, all the best and be healthy. I don't need anything and I'm happy.

PS: Thanks for the photo.

Kiss,

your Kozya

дельный парень и с душой. Буня становится дельным, но немного забыл душу, но мимоходом, пока то образуется, ибо его душа шире гернерской. Во мне все это это уравновешенней, одно другому не мешает. Мне интересно будет прочесть Бунино письмо!

Хочу ехать к Петьке Шлиппе, в бельгийское Конго, там есть и работа и всё, что мне весело, но не имею денег на проезд — дрянно! Жаль пропускать шанс, да ничего не поделаешь, а делать долг мне не хочется.

Привет всем, всего хорошего и будь здорова. Я ни в чём не нуждаюсь и счастлив.

postscriptum: спасибо за фото.

Целую,

твой Козя

² Bunya was Conrad's older brother. Ernst Goerner traveled to America with him in 1929 – college classmates.

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 19 October 1930. Bali¹

Dear mama!

Please forward the letter to Helga Beer in Lausanne. I was so happy to get your card! I love Martina and Helga and Marit and the time in Wachwitz when they were all there. I laid awake half the night going through the memories and the long letter to Helga came out, which you can read.

It is terribly coincidental that I hear about Margarete Pohl/Lilienthal from a completely different side. A friend of Mrs. Archipenko is visiting here at the moment, both live in the Water castle in Ubud and are Walter's guests. This friend is a horrible Jew², ugly as night, with a hoarse voice and confident gestures and to cover this up we keep an always funny and teasing tone and politely leave no hair untouched.

Just saying this in passing. But she knows Lilienthal and wife and child and the story with Margarete and was very surprised that they are married. She sits in America and has the "blue four" in her hands. It means she is a kind of manager of four painters, for whom she makes exhibitions and about whom she gives lectures. She sold pictures to Lilienthal and hence the acquaintance. She didn't have anything good to say about it, but she doesn't have anything good to say about things either, and we always taunt

¹ Letter №6.

² Conrad is talking about Galka Scheyer (1889–1945) and the 'blue four' were: Feininger, Kandinsky, Jawlensky and Paul Klee – hugely famous painters, no doubt as a result of this supposedly irritating woman's promotion of them.

Oeboed, den 19. Oktober 1930. Bali

Liebe Mama!

Bitte sende den Brief an Helga Beer nach Lausanne weiter. Ich habe mich riesig gefreut, Eure Karte zu bekommen! Ich liebe Martina und Helga und Marit und die Zeit in Wachwitz, als sie alle dort waren. Ich habe die halbe Nacht wach gelegen und die Erinnerungen durchgewälzt und es kam der lange Brief an Helga raus, den Du lesen kannst.

Es ist furchtbar zufällig, dass ich von ganz anderer Seite über Margarete Pohl/Lilienthal höre. Hier ist momentan eine Freundin von Frau Archipenko zu Besuch, die beide in Oeboed im Wasserschloss wohnen und Walters Gäste sind. Diese Freundin ist eine furchtbare Jüdin, hässlich wie die Nacht, mit einer heiseren Stimme und selbstbewussten Gesten und um dies zu vertuschen, haben wir einen immer lustigen und neckenden Ton und lassen freundschaftlich kein Haar an ihr ungescholten.

Dies nur nebenbei gesagt. Aber sie kennt Lilienthal und Frau und Kind und die Geschichte mit Margarete und war sehr erstaunt, dass sie verheiratet sind. Sie sitzt in Amerika und hat die „bläue vier“ in Händen. D.h. ist eine Art manager von vier Malern, für die sie Ausstellungen macht und über die sie Vorträge hält. Sie hat an Lilienthal Bilder verkauft und daher die Bekanntschaft. Sie hatte nichts Gutes darüber zu sagen, aber sie hat auch sonst nichts Gutes zu sagen und wird von uns immer hochgenommen. Ich bin doll froh, dass sie abfährt, mit Archipehko zusammen Ende ds. Mts. und Walter ist auch froh.

her. I'm so glad she's leaving with Archipenko at the end of this month and Walter is happy too.

We're doing great. Walter paints, I type, and in between we ride around in the car in Bali. We are always taking on new "businesses" since I have been doing the correspondence and I really enjoy it. I am very happy. But I still want to go to Congo, it's something new and I don't have persistence, although I don't want to leave just yet!

The rainy season is approaching, it rains every now and then and the air is different, but it's not very noticeable yet.

Greetings to everyone and all the best. Greetings and kisses and that's it.

Your Kozya

Es geht uns herrlich. Walter malt, ich tippe, und dazwischen rutschen wir im Auto in Bali rum. Wir nehmen immer neue „Geschäfte“ auf, seit ich die Korrespondenz führe und es macht mir viel Spass. Ich bin sehr glücklich. Aber nach Kongo will ich trotzdem, es ist was Neues und ich habe kein dauerhaftes Sitzfleisch, obwohl ich noch gar nicht weg will!

Die Regenzeit naht, es regnet hin und wieder und die Luft ist anders, aber es ist noch nicht sehr zu spüren.

Grüsse alle und alles Gute. Gruss und Kuss und Schluss.

Dein Kozya

Conrad Spies to Ida von Wogau

Ubud, 10/26/1930

Dear Aunt Ida!

I send my greetings to you through my mother, for it's on the way.

What are you doing in Ischl in winter? Snow, snow! I can't believe it's winter there and that there's snow! I long for snow, mountains, Christmas trees, and skiing in the winter sun, on white snow, floundering in the soft cold snow. Here starts the rainy season, the heat and humidity, swarms of insects and all sorts of creepers around all the corners.

But still, it's wonderful here! I want to stay here until there's nothing in Bali that I don't know, until I get bored with repetition and monotony. It's going to last a very long time, even though we take almost daily car rides to all sides of the island. And first I have to collect the legends here and write at least one book.

How was the photo that [Busserl] took of me on the balcony? Can I see what "pretty face before the journey" looks like? I am told here that I am "melting", but I have no way of knowing where, for I have almost gotten fat, feel good!

So far I have not been photographed, except 2 times, and have not even been given a picture, so nothing to send to please the aunt. But I'll try to make something up soon. Valya will take a picture of me once.

How are your friends? Please bow to all and kiss Elizaveta [Temperament]. All the best to you.

Kisses,

your little Goat

Убуд, 26.10.1930

Дорогая тетя Ида!

Шлю тебе привет через маму, ибо по пути.

Чем занимаешься в зимнем Ишле? Снег, снег! Как-то не верится, что у вас зима и что есть снег! Мне захотелось снега, гор, елок и катиться на лыжах под зимним солнцем, по белому снегу, барахтаться в мягком холодном снегу. Здесь начинается дождливое время, жара и сырость, насекомые стаями и всякие гады по всем углам.

Но всё-таки здесь чудно! Я хочу остаться здесь, пока на Бали ничего не будет, чего я не знаю, пока мне не станет скучно от повторения и однообразия. Это продлится очень долго, хоть мы почти ежедневно катаемся на авто во все стороны острова. И сперва я должен собрать здешние легенды и написать хоть одну книгу.

Как удалось фото, которое [Busserl] взяла с меня на балконе? Можно посмотреть, на что похож „мордашка перед путешествием“? Мне здесь говорят, что я „таю“, но я никак не могу понять, где, ибо я чуть ли не потолстел, чувствую себя ох как!

Пока меня не снимали, кроме 2 раз, и даже не дали снимка, так что ничего слать, чтобы порадовать тётеньку. Но постараюсь в скором времени что-нибудь сострять. Валя меня снимет разик.

Как поживают твои друзья? Прошу всем кланяться и поцеловать Елизавету [Темпераментовну]. Всего тебе доброго и хорошего.

Целую,

твой Козлик

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, October 26, 1930¹

Dear Mom!

It seems that it is time for me to write to you in order to be on time for your birthday! Congratulations and I wish you all the best. I can't guess how old you are, and in the last photo you look like a "middle-aged child".

Lately I've been writing to you and dad so much that I've nothing to say. Here's a piece of advice: move here, it's wonderful here and take a break from deplorable Europe. Traveling is expensive and living in a hotel is expensive too, and of course there are no houses or pensions here. But send me 500 pounds and I will build a hut with all belongings. Although Valya's very simple house will cost him 10 times more, but it is wonderful. And life costs here, as anyone wants: 80 pounds a month or 200 pounds, depending on what you eat.

You will love it! Sun, grasshoppers, walks in the rice fields or in the forest, the sea and the "village life". The people are wonderful, only the language is a barrier to understanding. Many birds, all singing, shouting, chirping.

And a good climate: there are places where it is even cold! When I return to Europe, I will freeze, they say, but I got used to it imperceptibly, I think that heat and cold are not an obstacle for me!

Or give me your money to buy land in the Belgian Congo in the neighborhood of Schlippe, and we will manage and make money there. I would love to go to him, it seems to me

Убуд, 26 октября 1930 года

Дорогая мама!

Кажется, мне пора писать тебе, чтобы успеть к твоему рождению! Поздравляю сердечно и желаю тебе всего-всего хорошего. Не могу додуматься, сколько тебе лет, а на последней фоточке выглядишь „ребёнком средних лет“.

В последнее время я тебе и папе столько написал, что сообщать нечего. Вот совет: перебирайтесь все сюда, здесь чудно и отдохните от плачевной Европы. Проезд дорог, и жить в отеле тоже чересчур, а домов или пенсионеров, конечно, нет здесь. Но пришлите 500 фунтов, и я выстрою избу со всеми принадлежностями, хоть очень простую. Валин дом ему обойдётся в 10 раз дороже, но он чудный. А жизнь здесь, как кто хочет: 80 фунтов в месяц или 200, смотря по тому, чем питаешься.

Тебе очень понравится! Солнце, кузнечики, прогулки в рисовые поля или в лес, море и „деревенщина“. Народ чудный, только язык — преграда пониманию. Много птиц, все поют, кричат, щебечут.

И хороший климат: есть места, где даже холодно! Когда вернусь в Европу, буду мёрзнуть, говорят, но я здесь привык незаметно, думаю, что жара и холод мне не препятствие!

Или дай твои деньги, чтобы купить в бельгийском Конго землю по соседству с Шлиппе, и будем там хозяйничать и наживаться. Я бы с удовольствием поехал к нему, мне кажется, что там жизнь в моём вкусе. А здесь хорошо художникам, писателям и

¹ Letter №7.

that life there is to my taste. And here it's good for artists, writers and archaeologists, in what way I got settled here in order to be with Valya and because I want to write.

What do sister and brother write? I will wait for news through you. Recently Arvid wrote that he spent the evening with Bunya—very nice!

Send me a “sweetie”, it's very bad and expensive here. And also “Lanolin cream” brand Pfeilring, which is very good here for everything (shaving and tanning). Sell my junk (or give it away), but take care of four chests.

Hi to everyone! Be healthy and write!

I kiss you hard,

your Kozya

археологам, на какой лад я здесь устроился, чтобы быть в меру Вале и хочу писать.

Что пишут сестра и брат? Я буду ждать через тебя известий. Недавно Арвид написал что провёл вечер с Буней — очень мило!

Пришли мне „сладенького“, здесь очень плохо и дорого. И ещё „Ланолин крем“ марки Pfeilring, который очень хорош здесь для всего (бритья и загара). Мою рухлядь продай (или раздари), а четыре сундука береги.

Привет всем! Будь здорова и пиши!

Целую крепко,

твой Козя

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 20.11.1930¹

Dear Mama!

Again, there is an excuse to write “Christmas Tree” and “1931”, for which I wish ordinary, but heartfelt happiness and health. I hope that you will not feel abandoned and lonely, and that you will spend the holidays in a nice circle of friends and relatives!

There is literally nothing to write, because everything is in the same order, and health is satisfying. The guests have left, and Valya and I are rushing at full speed towards earnings and spending our days at home in work that is very attractive and interesting to me. In addition, our house is inhabited by kittens, puppies and rats (damn the last ones!) And we pour out all our need to caress, kiss and fondle on our children: monkeys, kittens and puppies.

The weather is wonderful, the rains at midnight are refreshing, and the days are sunny with a breeze! Thank you for the letters and please forward the letter to Misya. Hello to all!

Kiss,

your Slatozya

Letter to Manya Dobrowen

Убуд 20. 11.1930

Дорогая мама!

Уж опять предлог писать „Ёлка“ и „1931“, к чему желаю всё обычное, но сердечные счастья и здоровья. Надеюсь, что не будешь чувствовать себя покинутой и одинокой, и проведёшь праздники в милом кругу друзей и родственников!

Писать буквально ничего, ибо всё в прежнем порядке, и здоровье удовлетворяющее. Гости разъехались, и я с Валею несёмся на всех парах навстречу заработкам и проводим дни дома в работе, которая мне очень приглядна и интересна. Кроме того, наш дом населяется котятками, щенками и крысами (чёрт побери последних!) и всю нашу потребность ласкать, целовать и голубить мы изливаем на наших деток: обезьян, котят и щенят.

Погода замечательная, дожди в полночь освежают, и дни солнечные с ветерком! Спасибо за письма и прошу переслать письмо Мисе. Всем привет!

Целую,

твой Слатозя

Письмо Мане Добровен

1 Letter №8.

Conrad Spies to Maria Spies

Ubud, 11/30/1930

Amazing sister!

Your letter made me very happy, thank you! I can not remember what language “like a Dadaist” I aroused your anger, because I tried to write in human language and I can not write much in postcard, but I have to write in Russian, otherwise it will soon be worse than that, already so deplorable, I confess that I forget more and more, how not to pull here—and you take my last hope, and say that “it is unclear in what language”!

Call that goat language, and I’m sure it will make more sense to you. And I became a futurist not because of my will, but because of my inability to express myself grammatically.

You scolded me from the other side: “baby”, “egg”, “26 years”, “he will rot”—I will not blame you, because you do not know the essence and relied on distorted news! It was wrong to say so, but still, I was curious to read your opinion, just in case! To assuage your affected sister’s ambition, I’m telling you that I’m working like an ox, I’m not going to leave Bali freely until I earn enough to go further to Asia, that is, there was no question of returning “under the wing”, on the contrary (ask daddy). I will see the light of the world, and your 26-year-old brother is getting old in an effort to try the “joy of creation”, and Europe is as distant to him as America is to you, that is, I am not attracted there in the slightest, and I prefer the eastern countries and summer resorts.

You, of course, in the Russian part, but still you will find a ground here too, and as funny as it is, the types here sometimes remind me of

Убуд, 30.11.1930

Удивительная сестра!

Твоему письму я очень обрадовался, спасибо! Никак не могу вспомнить, каким языком „вроде дадаиста“ я возбудил твой гнев, ибо старался писать по-человечески и на открытке не разъедешь, а по-русски писать я должен, а то хуже этого скоро будет, уже и так плачевно сознаюсь, что забываю всё больше и больше, как тут не подтягивайся — а ты берёшь у меня последнюю надежду, и говоришь, что „непонятно на каком языке“!

Зови этот язык козлиным, и я уверен, что он станет тебе понятнее. А футуристом я не по моей воле стал, а за неумением выражаться грамматически.

Обругала ты меня и с другой стороны: „пупурик“, „яйцо“, „26 лет“, „сгниёт“, — винить тебя не стану, так как ты не знаешь, в чем суть, и положила на исковерканные вести! Зря погорячилась, так сказать, но всё равно, мне любопытно было читать твоё мнение, на всякий случай! Для успокоения твоего затронутого честолюбия сестры сообщаю, что работаю как вол, не собираюсь своевольно покинуть Бали, пока не заработаю достаточно, чтобы ехать дальше в Азию, то есть о возвращении „под крылышко“ речи не было, напротив (спроси папу). Свет белый я увижу, и 26-летний братец твой стареет в усилии испробовать „радость творчества“, и Европа ему также далека, как тебе Америка, то есть меня ничуть туда не влечёт, и я предпочитаю восточные страны и Sommerfrische.

the ancient Russian and the present guys, like “Ivanushka the Fool” or jokers. But this is rare, the races are too different, though you don’t pay attention to the brown skin. Often some types remind me of people I know or actors in a movie, only the ones here are even more attractive because of their tan.

There are such lovely women and children that you want to kneel down and die looking at them! Not all of them, of course, but you can see so many of them and such different features that it’s hard to define beauty types. They are half-naked, that is, dressed in beautiful fabrics from waist to foot, and their physique is of incredible beauty. Valka has no pictures of women or children, only groups, “temples”, nature, sculptures, male types, festivities, and so on. I’m sending you some, admire them! Lest there be foolish thoughts, learn that women here are unavailable, except a few occasional prostitutes in towns with Dutchmen, they do not do foolish things before marriage. In Java they are all spoiled and it is true that “the girls from Java don’t say no!”—with exceptions, I think. If it is possible to write such a thing, the only thing I lack is a woman, I have only to admire and pine.

Photos of Vala’s paintings: he gives you some that are very poorly photographed and because of that he doesn’t care about them. He asked me to send him some of your work, he wants to know what kind of sister-artist I have. Send copperplate engravings and some more of your various works! Valka is going to be in Paris in May, I highly recommend you to visit Paris too, it will be wonderfully interesting and grandiose.

I am writing this and that, for me and for Valka, that is, from his sources and his thoughts. I don’t take pictures anymore. Valka has 2,000 or more pictures, I can use them.

How I long for the snow! Skis, sleds! Ugh, what fun. I think it’s good to live in summer, you get more excited about all the delights like spring, winter, fall. In Germany and Holland, of

Ты, конечно, по русской части, но всё-таки и тебе здесь почва, и, как ни смешно, здешние типы иногда мне напоминают древних русских и теперешних парней, вроде „иванушки-дурачка“ или балагуров. Но это редко, расы слишком различны, хоть на коричневую кожу не обращаешь внимание. Часто некоторые типы напоминают знакомых или артистов фильма, только здешние ещё привлекательные из-за загара.

Здесь такие чудные женщины и дети, что хочется встать на колени и сдохнуть, взирая на них! Конечно не все, но их видно так много и такие различные черты, что трудно определить „Schönheitstypen“. Они полунагие, то есть одеты в красивые материи от пояса до ступней, и их телосложение невероятной красоты. Валька не имеет ни одного снимка женщины или ребёнка, только все группы, “темпель”, природа, скульптуры, мужские типы, празднества и так далее. Я шлю тебе несколько, полюбуйся! Чтобы не было глупых мыслей, узнай, что женщины здесь недоступны, кроме нескольких случайных проституток в городах с голландцами, до свадьбы глупостями не занимаются. На Яве они все испорчены, и это правда, что „die Mädchen von Java sagen nicht nein!“ — с исключениями, я думаю. Если можно такое писать, то единственное, что мне недостаёт, это женщина, приходится только любоваться и чахнуть.

Фото Валиных картин: он тебе дарит некоторые, которые очень плохо сняты и из-за этого ему безразличны. Он просит выслать кое-что из твоих работ, интересуется узнать, что за сестра-художница у меня. Вот вышли Kupferstiche и ещё всякое из твоих разнообразных работ! Валька собирается в мае быть в Париже, я тебе очень советую тоже побывать в Париже на этой выставке, она будет замечательно интересной и грандиозной.

course, I loved summer even more. In a year or two I will miss winter!

We have three wild cats, like little leopards, very beautiful and wicked, two domestic breed kittens, just brought in, we have a lot of rats breeding. Monkeys are wonderful, so much fun to play with, they are so funny!

Sometimes there is a terrible thunderstorm—the rainy season is starting. It's fun and wonderful here, we have acquaintances, we often go for a drive, we discover the island.

Well, sister, goodbye! Write again and swear less, I was not born a fool and I know my honor and conscience, I am just a little lazy and I like to get comfortable, but that has changed too, and there is nothing to reproach!

Kisses,

*your Goat
Greetings to Russia!*

PS: Valya has changed his mind. What if we need pictures of his paintings! But Aunt Martha has a lot of them, go to her, he advises, and regrets. All the negatives, unfortunately, are spoiled, or he would have sent them.

Я пишу то да сё, для себя и для Вальки, то есть из его источников и его мысли. Снимать не снимаю больше. Валька имеет 2000 и больше снимков, я могу их употреблять.

Как хочется мне снега! Лыжи, сани! Ух, как весело. Я думаю, что полезно пожить в лете, радуешься больше на все прелести, как весна, зима, осень. В Германии и Голландии, конечно, ещё больше я любил лето. Через годик-два буду скучать по зиме!

У нас три дикие кошки, как маленькие леопарды, очень красивые и злые, два котёнка домашней породы, только что принесли, у нас много крыс развелось. Обезьянки чудные, так весело с ними играть, такие смешные они!

Иногда гроза страшнейшая, начинается Regenzeit. Здесь весело и замечательно, имеем знакомых, часто катаемся на авто, смотрим остров.

Ну, сестрица, прощай! Пиши ещё и меньше ругайся, я не совсем дураком родился и знаю честь и совесть, только ленив немного и люблю поудобнее, но и это изменилось, и упрекать не за что!

Целую тебя,

*твой Козёл
Привет России!*

PS: Валя передумал. Вдруг понадобятся снимки его картин! Но у тётки Марты их много, пойдёшь к ней, он советует, и сожалеет. Все негативы, к сожалению, испорчены, а то бы прислал.

Conrad Spies to Otto Spies

Zuid-Bali, Oeboed, 16.12.1930

Dear Brother!

With these brief lines,
I think to surprise you,
And let them hurry off into the distance,
That they may hash the birthday.

I send you congratulations
And extend my best wishes:
Live 6 generations
And be happy, old house!

Let your hopeless brother,
Hear of your great deeds,
Take a firm hold on life's oar
And create things that beguile.

You are well-read, you have studied,
Are musical and healthy,
Be bold, firm and unconstrained,
But look: the circle of life is round.

With birth you came in
And with death you go home
In between lies your short "being";
So use it, dear brother!

A child, so small and nose-white,
That's how you began,
A wise old man who knows the world...
Already the "being" is gone.

Hurry up to "create"!
I watch you from Bali
And tell my monkeys:
This is my brother — Crösus — you.

Zuid-Bali, Oeboed, den. 16.12.1930

Lieber Bruder!

Mit diesen kurzgefassten Zeilen,
Gedenk' ich Dich zu überraschen,
Und lass' sie in die Ferne eilen,
Damit sie den Geburtstag haschen.

Ich sende Dir Gratulationen,
Und sprech' die besten Wünsche aus:
Erlebe 6 Generationen
Und werde glücklich, altes Haus!

Lass' Deinen aussichtslosen Bruder,
Von Deinen grossen Taten hören,
Ergreife fest das Lebensruder
Und schaffe Dinge, die betören.

Du bist belesen, hast studiert,
Bist musikalisch und gesund,
Sei mutig, fest und ungeniert,
Denn schau: der Lebenskreis ist rund.

Mit der Geburt kamst Du herein
Und mit dem Tode gehst Du heim
Dazwischen liegt Dein kurzes "Sein";
Drum nutz' es, liebes Brüderlein!

Ein Kind, so klein und naseweiss,
Damit bist Du begonnen,
Ein weiser, weltvertrauter Greis...
Schon ist das "Sein" verronnen.

Beeile-Dich zu "schaffen"!
Ich schaue Dir aus Bali zu
Und sage meinen Äffen:
Das ist mein Bruder – Crösus Du.

CONRAD SPIES TO OTTO SPIES

Two little flies bite me,
On my sore feet,
I scratch them and think of you,
With dear brotherly greetings.

Zwei kleine Fliegen beißen mich,
An meinen wunden Füßen,
Ich kratze sie und denk' an Dich,
Mit lieben Brudergrüssen.

Your Kozya

Dein Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 18.12.1930¹

Dear Mamkins,

1000 thanks for letters, gifts, messages, gift & parenthood.

It occurs to me, can you buy a lottery ticket for me for the 10 marks, or several small ones? I have little, rather nothing or more I think to myself. There are a lot of lotteries, so the choice is easy. Thursday should be my lucky day, and 4 is the number and if nothing comes then it is not true or was nothing there!

Soon is 1931! I'm not curious—where it will take me, here it is most beautiful and I long for nothing but many things. If you send parcels or large letters with something in them, use tin boxes or something, at customs they steal what is not solid. Aunt Martha² sends us candy, etc. I am afraid that our mouth was watering in vain.

We are doing well anyway. Bali is useful for me. I get to know many things and people. At the beginning of January we go to West Bali to hunt. It is wonderful but so hot. Walter gets a tent for two so... it's going to be fun.

There is a lot of work, writing etc., a lot of parties to which we sometimes rush.

My heart is inflamed, desolate!... Misya wrote to me, somewhat twisted and angry at things she had imagined.

Dad is sweet! If only he had a better position, everything would be good. Am tired & hot, write from carelessness & rush to the kitchen

¹ Letter №9.

² Martha is Walter's mother.

Ubud, 18.12.1930

Liebe Mamkins,

1000 Dank für Briefe, Geschenke, Mitteilungen, Geschenk u. Elternschaft.

Es fällt mir ein, kannst Du für die 10 Mark ein Lotterielos für mich kaufen, oder mehrere kleine? An wenig hab ich wenig, lieber gar nichts oder mehr denk ich mir. Es hagelt Lotterien, also die Wahl ist leicht. Donnerstag soll mein Glückstag sein, u., 4 die Zahl und wenn nichts kommt dann stimmt es nicht oder war nichts da!

Bald ist 1931! Bin nicht neugierig – wohin es mich verschlägt, hier ist es am schönsten und ich sehne mich nach garnichts ausser vielerlei. Wenn Du die Pakete verschickst oder große Briefe mit was drin, verwende Blechschachteln oder sowas, am Zoll wird gestohlen, was nicht fest ist. Tante Martha sendet uns Bonbons etc. Bin ängstlich, dass die "слюньки"... umsonst fliesen.

Es geht uns gut trotzdem. Bali ist nützlich für mich. Ich lerne viele Dinge und Menschen kennen. Anfang Januar fahren wir zur Jagd nach West Bali. Es ist herrlich doch so heiß. Walter bekommt ein Zelt für zwei, so... es wird lustig.

Es gibt viel Arbeit, Schreibung etc., viel Feste zu denen wir manchmal eilen.

Mein Herz ist entflammt, trostlos!... Мися schrieb mir, etwas verdreht und böse auf Dinge, die sie sich eingebildet hat.

Papa ist süß! Wenn er nur ein bessere Stellung habe, wäre alles gut. Bin müde u. heiß, schreibe aus Nachlässigkeit u. eile in die Küche um eine Banane zu essen... Bin inspiriert und schreibe etwas nettes über Bali, nur so langsam.

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

to eat a banana... I will get inspiration and write
something nice about Bali, just slow.

Greet everyone, write something,
Kiss,

Grüße alle, schreibe etwas,
Kuß,

dein Kozya

your Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Nord Bali, 25.12.1930¹

Dear Mom!

We came to Singaradja the day before yesterday, first to pick up our friends, who were in Java for 4 days, at the ship and then to celebrate Christmas together with them and our friend, who is a tourist agent here. But nothing came of it. The "Java people" stayed longer and we did not celebrate at all, saved it for New Year's Eve. Since we are not in our car, we wait until tomorrow and then go together to Ubud.

In the meantime, we slide around here in the area and have it very nice. It is very hot and windy here, lots of mosquitoes and mostly we escape to the nearby mountains.

Yesterday we were at the waterfall in the jungle. On the way many snakes slipped away from us. The waterfall is 25 meters high and cool and beautiful. We swam to the deepest parts of the stream [and could catch on the stones. Butterflies and dragonflies] and we forgot about Christmas until the evening.

Then we remembered that it was noon in Germany and people were shopping. We sobbed away... and went to sleep.

Today we visited the temple here and played Gramophone at home. And now our friend and host is in the office, Walter reads, and I write the boring lines on mat paper because other is missing.

In Ubud everything is the same. By the way, thank you for the letter and for 10 Marks.

Nord Bali, 25.12.1930

Liebe Mama!

Wir sind vorgestern nach Singaradja gekommen, um erstens unsere Freunde, die für 4 Tage in Java waren, am Schiff abzuholen um dann gemeinsam mit Ihnen und unserem Freund, der hier Touristen-Agent ist, gemeinsam Weihnachten zu feiern. Aber es wurde nichts daraus. Die "Javaener" blieben länger und wir feierten garnicht, haben es für Sylvester aufgehoben. Da wir nicht in unserem Auto sind, warten wir bis morgen und fahren dann zusammen nach Oeboed.

Inzwischen rutschen wir hier in der Gegend herum und haben es sehr nett. Es ist hier sehr heiß und windig, viele Mosquitos und meistens flüchten wir in die nahen Berge.

Gestern waren wir beim Wasserfall im Urwald. Unterwegs viele Schlangen rutschten vor uns weg. Der Wasserfall ist 25 m hoch und kühl und schön. Wir schwammen zu den tiefsten Stellen des Baches und konnten uns auf den Steinen fingen. Schmetterlinge und Libellen und vergassen Weihnachten bis zum Abend.

Da fiel uns ein, dass in Deutschland Mittag ist und die Menschen Einkäufe machen. Wir schluchzten fort... und gingen schlafen.

Heute besuchten wir die Tempel hier und spielten zu Hause Gramophon. Und jetzt ist unser Freund und Gastherr im Büro, Walter liest, und ich schreibe die langweiligen Zeilen auf Matpapier denn andres fehlt.

In Oeboed ist alles beim Alten. Übrigens danke ich für den Brief und über 10.–

1 Leter №10.

Höffmeyer also wrote me nicely but I don't want to answer, what for? You tell him what is going on here.

Misya is it quite "crass" in her brother criticism, has us both quite polished off as hell. I don't hold it against her, just wonder what upsets her so much, what's it to her?!

Dad rarely writes, he is doing badly in business. "Save", "save", is perhaps not so superfluous, though bitter!

There is nothing going on with me. Still writing the Bali book, still have some articles in stock, and 1931 in January I'm going public. It will be fun, I think. Rushing is not in me, every year should bring a step forward. 1931 the trip, 1932 writing, 1932 money en gros.

I am allright here. I have not heard from the Immigration office, write in uncertainty and like to have it that way. Please don't mind me, I am too far away from you, have my own life, my own experiences, — "the prodigal son", for now.

Greetings to all, take care and be kissed by

your Kozya

Höffmeyer schrieb mir auch nett aber ich will nicht antworten wozu? Erzähle Du ihm, was hier los ist.

Misya ist es ganz „krass“ in ihrer Bruderkritik, hat uns beide ganz abgeputzt wie sonst was. Ich nehme es ihr nicht übel, wundere mich nur was sie so aufregt, was es sie angeht?!

Papa schreibt selten, es geht ihm schlecht im Geschäft. „Spare“, „spare“, ist vielleicht nicht so überflüssig, wenn auch bitter!

Mit mir ist nichts los. Schreibe noch das Bali-Buch, habe noch einige Artikel auf Lager und 1931 im Januar trete ich an die Öffentlichkeit heran. Es wird Spaß machen, denke ich. Über-eilen liegt mir nicht, jedes Jahr solle ein Schritt vorwärts bringen. 1931 die Reise, 1932 Schriftstellerei, 1932 Geld en gros.

Bin allright hier. Vom Immigratie-Büro habe ich noch nichts gehört, schreibe in Ungewissheit und habe es gerne so. Bitte mich nicht zu beachten, ich bin zu weit weg von Euch, habe mein eigenes Leben, meine eigenen Erfahrungen, — „der verlorene Sohn“, vorläufig.

Grüße alle, laß es Dir gut gehen und sei geküßt von

Deinem Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 30.12.1930¹

Dear mama,

You probably can't read the scrawl from North Balli. All fountain pens are bad, I can not write. So—we are back home after 5 days of sliding. It was wonderful, all this change of temperatures is fun, [on the beach]... sweat in streams, then the higher—the cooler and in the mountains freezing cold.

It is beautiful, but the volcano smokes. The blue lake, the black lava, the deciduous forests and larches all full of birdsong like it is spring. When we get out of the car at the top to step into the inn ... it's like going to the... winter sports snow lodge. Sun, cold and hot tea. People are wrapped in black scarves and have red cheeks... just that way.

And then we continue to South Bali, the landscape becomes southern. Rice, palm trees, warmth, half-naked people—so beautiful. I can see people without getting tired and at every moment I want to scream, because many are so beautiful that you can't breathe. Women especially, men and children too.

It's damn stupid to be white. "Mister"—it is not comfortable, can sit in between, but is noticed, disturbs.

In Ubud less, there they are used to, know that we are cozy.

There the girls chatter and laugh, the children stand very close and smile, the men greet and laugh, the women smile, the boys talk and laugh.

1 Letter №11.

Ubud, 30.12.1930

Liebe Mama,

das Geschmiere aus Nord-Balli kannst Du wohl nicht lesen. Alle Füller sind schlecht, ich kann nicht schreiben. Also – wir sind wieder heim nach 5 Tagen Rutschen. Es war herrlich, alles. Dieser Wechsel von Temperaturen macht Spaß, am Strand... Schweiß in Strömen, dann je höher – je kühler und in den Bergen saukalt.

Es ist schön, aber der Vulkan raucht. Der blaue See, die schwarze Lava, die Laubwälder und Lärchen, alles voller Vogelgesang wie im Frühling. Wenn wir oben aus dem Auto steigen um in den Gasthaus treten ... ist es wie zum... Wintersport-Schneehütte. Sonne, Kälte und heißer Tee. Die Menschen sind in schwarze Tücher gehüllt und haben rote Backen... sonst nie.

Und dann geht's nach Süd-Bali weiter, die Landschaft wird südlich. Reis, Palmen, Wärme, halbnackte Menschen – so schön. Ich kann Menschen sehen ohne müde zu werden und in jedem Moment will ich schreien, weil viele so schön sind, dass man keinen Atem bekommt. Frauen besonders, Männer und Kinder auch.

Es ist verdammt dumm, dass man weiss ist. Herr ist nicht gemütlich, dazwischen sitzen kann, sondern beachtet wird, stört.

In Oeboed weniger, dort ist man gewohnt, weiß, dass wir gemütlich sind.

Dort plappern die Mädels und lachen, die Kinder stehen ganz nah und lächeln, die Männer grüßen und lachen, die Frauen lächeln, die Jungens sprechen und lachen.

Und erst bei uns zu Hause! Dort kommen Freunde und Bekannte, Verkäuferinnen und Nachbarn. Dort ist der Balier wie er fast bei

And that is at our home! There come friends and acquaintances, sales clerks and neighbors. There the Balinese are at ease, almost at home, free, funny. Children come and feed our monkeys. Men want medicine or something to talk about. Girls come to the kitchen and pick up empty bottles and tin cans to joke with the cook and us. If you are used to it, you miss it in North Bali, where it is almost like Java, slavery, respect & coercion.

In Denpasar with our friends Mexicans (couple) it is nice, there the artists gather with dancers, musicians, film actors from the past, all the charming Balinese who are familiar with the good sides of the good Europeans (whites) are at ease, relaxed and cordial”.

(Film actor,—a gal who starred in the Roosevelt film². If it comes to Germany, look, it is quite entertaining!)

The longer I am here, the more I love Bali, there will be a disaster when I have to leave. Voluntarily I do not go!

From Heuß came sweets, wonderful! On 31.12 we go again to North Bali (4 ½ hrs by car). For New Year’s Eve with the Mexicans to the tourist agent, where we were just now!

To 1931 I will try to become a “pig”, less grease and write, but work and slide in. So be warned and be prepared!

Kiss you very much and there,

Your Kozka

sich zu Hause ist, frei, lustig. Kinder kommen und füttern unsere Affen. Männer wollen Medizin oder etwas Reden. Mädchen kommen zur Küche und holen sich leere Flaschen und Blechdosen zu schäkern mit dem Koch und uns. Wenn man daran gewohnt ist fehlt es einem in Nord-Bali, wo es fast wie Java ist, Sklaventum, Respekt u. Gezwungenheit.

In Denpasar bei unseren Freunden Mexikanern (Ehepaar) ist es nett, dort versammeln sich die Künstler, Tänzer und Tänzerinnen, Musiker, Filmschauspieler von früher, alles reizende Balier, die die guten Seiten der guten Europäer (Weißen) kennengelernt haben, sich ungezwungen geben, herzlich sind.

(Filmschauspieler, – ein Mädels, das im Roosevelt-Film die Hauptrolle spielte. Wenn er nach Deutschland kommt, schau ihn an, er ist ganz unterhaltend!)

Je länger ich hier bin, um so mehr liebe ich Bali, es gibt eine Katastrophe wenn ich weg muß. Freiwillig gehe ich nicht!

Von Heuß sind Süßigkeiten gekommen, herrliche! Am 31.12 fahren wir wieder nach Nord Bali (4 ½ Std. per Auto). Zum Silvester mit den Mexikanern zum Tourist-Agenten, wo wir eben waren!

Zu 1931 werde ich ein „Schwein“ zu werden versuchen, weniger schmieren und schreiben, sondern arbeiten und reinrutschen. Also sei gewarnt und gefasst!

Küße Dich vielmals und hin,

Dein Kozka

² The movie by Andre Roosevelt was “Goona Goona”.

Conrad Spies to Sophie Spies

South Bali, Ubud, 10.01.1931¹

Dear mum!

Thank you for the New Year's wishes, parcel, letter no. 12. Hopefully the wishes will come true, the parcels arrived a little emptier than I thought they had been sent, but they tasted good, and your last letter was a lot of fun.

I wrote to you about our New Year's Eve party. I really wanted to be silent for a while now, but I find it difficult to be silent.

The suitcase story is fine the way you write it. I can't remember which suitcase I call number 4, maybe it's fantasy, maybe the leather suitcase, handbag. Hopefully the things given away were a source of joy; everything in that suitcase can be given away, or sold if it can.

I don't have the toughness to sell my bike—I'm hooked. If it's rusting in the basement or if it's in the way, or if nobody wants to use it, then I have a way out: call Frau von Einsiedel in Blasewitz (Tel: Rothermundt 31 000) and tell her that if one of her sons would like to ride a bike, then he can have mine, not given as a gift, but entrusted to him until either I pick it up or it breaks. If it makes them happy, of course. And it shouldn't be watched over or treated with special care, but rather as an old mill deserves, the owner of which remains indifferent to what happens to it. Perhaps it would be good if I wrote to her myself, so that your conversation has a basis for both parties.

I haven't heard from dad for a long time. Not at all from siblings. Rarely do I get a letter

Zuid-Bali, Oeboed, 10.01.1931

Liebe Mama!

Danke für Neujahrswünsche, Paketchen, Brief Nr.12. Die Wünsche werden hoffentlich in Erfüllung gehen, die Paketchen sind etwas leerer angekommen, als ich sie abgesandt denke, aber haben gut geschmeckt, und Dein letzter Brief machte viel Freude.

Von unserer Silvesterfeier habe ich Dir geschrieben. Wollte eigentlich jetzt länger schweigen, aber es fällt mir schwer schweigsam zu sein.

Die Koffergeschichte ist so in Ordnung, wie Du schreibst. Ich kann nicht erinnern, welchen Koffer ich als Nr. 4 bezeichne, vielleicht ist es Phantasie, vielleicht der Lederkoffer, Handtasche. Die verschenkten Sachen haben hoffentlich Freude gemacht; alles, was in jenem Koffer drin ist, kann verschenkt werden, oder verkauft, wenn es kann.

Mein Fahrrad zu verkaufen, dazu habe ich nicht die Härte – ich hänge dran. Wenn es im Keller rostet oder im Wege ist, oder niemand es gebrauchen will, dann habe ich einen Ausweg: rufe Frau von Einsiedel in Blasewitz an (Tel: Rothermundt 31 000) und sage ihr, dass wenn einer ihrer Söhne gern radfahren will, so kann er meins haben, nicht geschenkt, aber anvertraut bis entweder ich es abhole, oder es kaputt geht. Wenn es Freude macht, natürlich. Und man soll ja nicht mit besonderer Sorgfalt darüber wachen oder es behandeln, sonder wie eine alte Mühle es verdient, derer Eigentümer gleichgültig bleibt, was damit auch passiert. Vielleicht wäre es gut, wenn ich ihr selbst

1 Letter №12.

from friends, but in general I think I've become superfluous and I'm left content in my happiness. And I'm still happy and optimistic and don't miss anything except a lot of money—to have it even nicer and to be able to travel. But it's coming.

Have fun, all the best, greet everyone and be kissed a thousand times. Funny that you're 50, I still feel like a baby.

Sincerely—your Kozya

schreibe, damit Euer Gespräch eine Unterlage beiderseits hat.

Von Papa habe ich lange nichts gehört. Von Geschwistern schon garnicht. Selten kommt mal ein Brief von Freunden, aber im Allgemeinen bin ich wohl überflüssig geworden und man lässt mich in meinem Glück zufrieden. Und ich bin immer noch glücklich und optimistisch und vermisse nichts ausser viel Geld, um es noch schöner zu haben und reisen zu können. Aber es kommt.

Viel Spass, alles Gute, Grüße alle und sei geküsst viel tausend Mal. Komisch, dass Du 50 bist, ich fühle mich als Säugling, trotzdem.

Herzlichst — Dein Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 15 January 1931¹

Dear Ma!

I came up with the idea of sending you my films. They perish here, firstly; then they're bad so I can't use them, secondly; and they are better off in Europe, third.

Now listen: when they get there, pick out the really bad ones, and pick out those that are fair and those that are good. You can have the latter two types printed and viewed, and then deal with them together with all the films as follows: Take key no. 1 and open the Vulkan Fiber case, large (books and photos). On the left side of the suitcase are the photo albums and films. If you want order, stick the prints in the one half-full album, if possible in an order that reveals itself.

That is Dresden or Königstein with Calberlah, then Ischl, then Port-Said; then Java, then Bali. If you're not sure what's where, just put them loosely in the album. And please put the films with the films, for example, wrapped in paper in Bollemeijer's little cardboard booklet. If you don't want to have prints made, just put the film in there and I might have prints made myself later. Anyway put everything in the suitcase and lock it again and keep the keys as before.

I'll get my new camera in a few days; then I will only be able to take good photos and use them. Otherwise we are fine.

I had a letter from Goerner; Otto bought a car on credit and wants to earn a lot this year. I'm staying here until June for the time being, if

Oeboed, den 15. Januar 1931

Liebe Ma!

Ich bin auf den Gedanken gekommen, Dir meine Filme zuzusenden. Sie verderben hier, erstens; dann sind sie schlecht, sodaß ich sie nicht verwenden kann, zweitens; und sie sind besser in Europa aufgehoben, drittens.

Nun höre: wenn sie dort angekommen sind, suche die ganz schlechten heraus, und suche solche heraus, die einigermaßen sind und die gut sind. Die beiden letzteren Sorten kannst Du drucken lassen und anschauen, um sie dann mit allen Films zusammen wie folgt zu behandeln: Nehme Schlüssel Nr.1 and öffne den Koffer Vulkan Fibre, gross (Bücher und Photos). An der linken Seite des genannten Koffers sind die Photoalbums und Filme. Wenn Du Ordnung haben willst, so klebe die Abzüge in den einen halbvollen Album, und zwar möglichst in einer Reihenfolge, die sich offenbart.

D.h., Dresden bzw. Königstein mit Calberlah, dann Ischl, dann Port-Said; dann Java, dann Bali. Wenn Du nicht sicher bist, was wo ist, dann lege sie einfach lose in das Album. Und die Films lege bitte zu den Films, etwa, in Papierchen eingeschlagen in das Pappbüchlein von Bollemeijer. Wenn Du keine Abzüge machen lassen willst, so lege die Films einfach da rein und ich werde vielleicht später Abzüge selbst machen lassen. Jedenfalls tue alles in den Koffer und schließe ihn wieder ab und bewahre die Schlüssel wie bisher.

Meinen neuen Apparat erhalte ich dieser Tage; dann werde ich nur gute Photos machen und sie verwenden können. Ansonsten geht es uns gut.

¹ Letter №13.

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

I can't think of anything else. I'm alive and well,
having nice times.

Greetings big and small and all the best!
Kisses from

your Kozya

Supplement: handful of films!

Ich hatte einen Brief von Goerner, Otto hat
ein Auto auf Pump gekauft, und will dieses
Jahr viel Verdienen. Ich bleibe vorläufig bis Juni
hier, wenn es mir nicht anders einfällt. Bin ge-
sund und munter, habe nette Zeiten.

Grüsse gross und klein und alles Gute!
Küsse von

deinem Kozya

Beilage: Handvoll Films!

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 19 February 1931¹

Dear Ma!

Thank you very much for your letters, for the copy of Otto's letter and all the news! We both look forward to your letters, always. We read each other's letters at all times, with rare exceptions. And yours have a funny character for us. Every time there is a letter from you in the mail, Walter asks: what kind of menu is in it today? You often write about things like what you ate, who was there and what was done.

Quite nice for me, of course, except for the menu, and quite amusing for Walter, because letters like that don't mean anything to him. Aunt Martha is famous for other things that she writes in every letter. But keep doing it, we should know what you eat in Europe, otherwise we'll forget. We eat completely different things: rice every day, of course, with Bali vegetables, piglets, chicken and fruit. Or Javanese rice table, or European cuisine, e.g. macaroni, potato salad, pancakes etc. And you don't know people who were here. Tourists with recommendations from this and that, from America, Germany, France or Java. Often very nice people, interesting and communicative, so we hear something from the world. Because newspapers are frowned upon, they only contain nonsense that doesn't concern us.

Do you want me to tell you fairy tales? Once upon a time there was a sunny day and we went to the sea, swimming. Sharks are seen sometimes, but one never hears of people being eat-

Oeboed, den 19. Februar 1931

Liebe Ma!

Herzlichsten Dank für Deine Briefe, für die Abschrift von Ottos Brief und alle Neuigkeiten! Über Deine Briefe freuen wir uns beide, immer. Wir lesen überhaupt gegenseitig Briefe vor, mit seltenen Ausnahmen. Und Deine haben einen lustigen Charakter für uns. Jedesmal wenn ein Brief von Dir auf der Post liegt, fragt Walter: Was für ein Menu steht heute drin? Du schreibst oft über solche Dinge, was ihr gegessen habt, wer da war und was gemacht wurde.

Natürlich für mich ganz nett, ausser dem Menu, und für Walter ganz lustig, denn solche Briefe sagen ihm nichts. Tante Martha ist wieder für andere Dinge berühmt, die sie in jedem Brief schreibt. Aber tue es nur weiter, man soll wissen, was man in Europa isst, sonst vergisst man es. Wir essen so ganz andre Dinge: Reis jeden Tag natürlich, mit balischem Gemüse, Ferkel, Hühner und Früchte. Oder javanische Reistafel, oder europäische Küche, z.B. Makaroni, Kartoffelsalat, Pfannekuchen etc. Und Menschen, die hier waren, kennst Du nicht. Touristen mit Empfehlungen von dem und jenem, aus Amerika, Deutschland, Frankreichs oder Java. Oft sehr nette Leute, interessant und mitteilksam, so dass wir von der Welt was hören. Denn Zeitungen sind verpönt, steht doch nur Blödsinn drin, der uns nichts angeht.

Soll ich Dir Märchen erzählen? Da war einmal ein sonniger Tag und wir fuhren zur See, schwimmen. Haifische sind zwar manchmal gesehen, aber man hört nie von ausgefressenen Menschen; drum wird feste geschwommen. Und dann kamen hohe Wellen, wie immer, weit-

1 Letter №14.

en; so people swim everywhere. And then high waves came, as always, far-traveled and powerful, so that they knock you over and throw you on the sandy bottom, so that you get sore. But you pay attention and dive under or swim on top. And then it pulls out a lot and to the side and you only notice it when you see the clothes in the distance at a spot other than where you entered the water.

And there came a wave that wanted to hit me. I quickly ducked and jumped through her, out behind her. But there it was deep, I found no bottom and kicked towards the bank. And it sucked me in from behind, more and more, so that I stopped laughing. I rowed with all my might for minutes without success, because when I got closer, the next wave dragged me out again. And I got very serious and made one last try before I thought about screaming.

And I see, another monster came up and I lay flat on her back, or rather his back, and flailed my arms and legs until I couldn't breathe. And when I couldn't take it anymore, I lay pretty peacefully on the flat sand and was saved. And outside, between the waves, the shark's sharp fin sailed along the shore.

And then it was another day, cloudy and cool, for it was about to rain. I ran down to the river and climbed the hill opposite our house; and our monkeys chirping behind me. And I ran ahead, wanted to run away from them, hide myself so they wouldn't know what to do.

When I was at a tree, a low, gray tree with rough bark and white blossoms in the green foliage, I wanted to climb up quickly and had already put my hands on the trunk. But the monkeys were already behind me and jumped over my shoulder and hands onto the trunk. And then the one monkey, my darling, squealed in fright, took a giant leap to the ground, and I saw a long, green snake hissingly slithering down the trunk, very close to my outstretched hands.

I quickly ran to the side and it slid down and disappeared into the grass. And the monkeys

gereist und mächtig, dass sie einen umschmeissen und auf den sandigen Grund schmeissen, dass man wund wird. Aber man passt auf und taucht drunter weg oder schwimmt oben drauf. Und dann zieht es sehr heraus und nach der Seite und man merkt es erst, als man die Kleider in der Ferne am andern Fleck sieht, als wo man ins Wasser ging.

Und da kam so eine Welle daher wollte mich schlagen. Ich duckte mich schnell und sprang durch sie durch, hinter ihr wieder raus. Aber da war es tief, ich fand keinen Grund und strampelte uferwärts. Und von hinten sog es mich an, immer weiter, dass ich nicht mehr lachte. Ich ruderte aus Leibeskräften, minutenlang, ohne Erfolg, denn, war ich näher gekommen, die nächste Welle schleppte mich wieder heraus. Und ich wurde sehr ernst und machte den letzten Versuch, bevor ich zu schreien dachte.

Und siehe, da kam wieder so ein Monster heran und ich legte mich platt auf ihren Rücken, seinen Rücken vielmehr, und ruderte mit Armen und Beinen, dass mir der Atem verging. Und als ich nicht mehr konnte, da lag ich hübsch friedlich auf flachem Sand und war gerettet. Und draußen, zwischen den Wellen, segelte die scharfe Flosse des Haies längst der Küste.

Und dann war wieder ein anderer Tag, bewölkt und kühl, denn es sollte bald regnen. Ich lief zum Fluss herunter und kletterte auf den Hügel gegenüber unserem Haus; und unsere Affen mit Gezwitzcher hinter mir. Und ich lief voraus, wollte vor ihnen ausreissen, mich verstecken, damit sie nichts wüssten, was zu tun.

Als ich an einem Baum war, niedrigen, grauen Baum, mit rauher Rinde und weissen Blüten in dem grünen Laub, da wollte ich schnell raufsteigen und legte schon die Hände an den Stamm. Doch die Affen waren schon hinter mir und sprangen über meine Schulter und Hände auf den Stamm. Und dann kreischte der eine Affe, mein Liebling, vor Schreck auf, machte einen Riesensprung zur Erde und ich sah eine

stood on their little legs and looked after it in terror, for it was a large thin snake that lives in the trees and they are familiar with it. And we ran back home and across the river and up the steep hill. Large, cold raindrops fell from the sky onto our naked bodies and the thirsty plants that crouched under the heavy blows.

Another time something true; although India is a fairyland.

Glittering dragonflies scurry past. We're going to the post office soon and the letter begins its long journey; only much later, when all this has already been forgotten, you read it and are happy about my desire to write, despite the pleaded laziness.

All birds are flying, so greet everyone who is still in Dresden.

Kiss from

your Kozya

lange, grüne Schlange, die zischend den Stamm runterglitt, ganz nah von meinen ausgestreckten Händen.

Schnell lief ich zur Seite, und sie rutschte runter und verschwand im Gras. Und die Affen standen auf ihren kleinen Beinen und schauten ihr erschreckt nach, denn es war eine grosse, dünne Schlange, die auf den Bäumen lebt, und die sie kennen. Und wir liefen wieder nach Hause und über den Fluss, und den steilen Hügel herauf. Grosse, kalte Regentropfen klatschten vom Himmel auf unsere nackten Körper und die durstigen Pflanzen, die sich duckten unter den schweren Schlägen...

Ein andermal etwas Wahren; obwohl Indien ein Märchenland ist.

Glitzernde Libellen huschen vorbei. Gleich fahren wir zur Post und der Brief beginnt die lange Reise; viel später erst, als alles dies schon vergessen ist, liest Du ihn und freust Dich über meine Schreiblust, trotz erflehter Faulheit.

Alle Vögel fliegen, so grüße denn alle, die noch in Dresden sind.

Kuss von

deinem Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 1 April 1931¹

Dear mum!

It has just become clear to me that I am not yours, but a low class child and my parents were inferior people. In me the lowest instincts are most developed; drinking, eroticism, betting, gambling, love of money, intrigues, life in the trees with monkeys. I'm quite sure it can't be an inheritance from you and dad!

And yesterday there was an earthquake, the worst that has ever struck Bali. Almost all temples have been destroyed, our house is in ruins, and the landscape is a rugged, barren field of desolation.

Fires laid whole villages in ashes, large stretches of jungle are in flames, the crater lake has erupted and is flooding the plain, devastating everything on its way, rice fields, gardens, villages. Countless human victims have been determined so far, but the exact numbers are still missing. In our river, which is incredibly swollen, the corpses of people and animals float by, horribly bloated and battered.

It's a good thing that Walter inherited so much money. He can make up for the loss, otherwise he would be a lost lamb in this world.

And I've been hired by the state to oversee the reconstruction after I'll record all the casualties and damage.

It's an incredible job, but I make a lot, a lot. And my articles have become well known, people only talk about them and me. Out of sheer joy, I married my Balinese relation, this beau-

Oeboed, den 1. April 1931.

Liebe Mama!

Soeben ist es mir deutlich geworden, dass ich nicht Dein, sondern ein untergeschobenes Kind bin und meine Eltern minderwärtige Menschen waren. In mir sind die niedrigsten Triebe am meisten entwickelt; Saufen, Erotik, Wetten, Glücksspiele, Liebe zum Geld, zu Intrigen, zum Leben auf den Bäumen mit Affen. Ich bin ganz gewiss, dass es kein Erbteil von Dir und Papa sein kann!

Und gestern war Erdbeben, das fürchterlichste, das Bali je heimgesucht hat. Fast alle Tempel sind vernichtet, unser Haus ist ein Trümmerhaufen, und die Landschaft ist ein zerklüftetes, heeres Feld der Verwüstung.

Feuersbrünste legten ganze Dörfer in Asche, grosse Strecken Urwald stehen in Flammen, der Kratersee ist ausgebrochen und überschwemmt die Ebene, verwüstet alles auf seinem Wege, Reisfelder, Gärten, Ortschaften. Zahllose Menschenopfer sind bisher festgestellt, doch die genauen Zahlen fehlen noch. In unserem Fluss, der unglaublich angeschwollen ist, treiben die Leichen von Menschen und Tieren vorbei, grässlich aufgebläht und zerschunden.

Nur gut, dass Walter so viel Geld geerbt hat. Er kann den Verlust wieder gut machen, sonst wäre er ein verlorenes Lamm in dieser Welt.

Und ich wurde vom Staat angestellt, den Wiederaufbau zu leiten, nachdem ich die ganzen Verluste und Schäden aufgezeichnet haben werde.

Es ist eine unglaubliche Arbeit, aber Ich verdiene viel, sehr viel dabei. Und meine Artikel sind ganz bekannt geworden, man spricht nur

1 Letter №16.

tiful 12-year-old girl, and will soon be a father, because it is already a blessed body.

You will like her, my little wife, she is brown, light brown, has a wonderful figure, slender and boyish, delicate joints, the softest skin, the most beautiful eyes, teeth, small, budding breasts, which now blossom with motherhood, and the finest hands, soft and strong and caressing. I'm excited for my child; I hope that it will be Balinese and not resemble me. But I think very little about that. I'm afraid of it. Because I was bitten by a monkey back then, who really was a syphilitic, and now I've got it too. The doctor says it won't harm the offspring, but I don't quite believe him. Almost all the children here are disfigured by this terrible disease, although the parents look healthy.

And we were hunting in West Bali again, with servants and I with my girl, we came in a thunderstorm and were washed up onto the sharp coral reef causing the boat to splinter. One of the servants was so frightened that instead of waiting on the reef for the tide to go out, he tried to swim to shore. But soon we heard him screaming terribly and he was being pulled down, either by the shark or the crocodile. We remained soaked, clinging to the reef for 9 hours and were able to wade back afterwards.

My girl cried terribly and clung to me like a child. Walter broke a leg; the mast fell on his thigh with all its hundredweight and he only noticed it when he wanted to walk and couldn't, because it didn't hurt at all. I got gray hairs, but they all fell out. And then we had to go back to the inhabited world and marched through the jungle for 6 days, without guns, with hardly any food, only rice that tasted like sea water. We arrived all in rags, half starved and totally exhausted, we were so happy to see people that we laughed incessantly and were considered crazy. During our march, black lutangs, the human-sized apes, followed us incessantly and threw branches and twigs at us, wouldn't let us

von ihnen und von mir. Aus lauter Freude habe ich mein balinesisches Verhältnis, dieses schöne Mädchen von 12 Jahren, geheiratet und werde bald Vater, denn gesegneten Leibes ist es schon.

Sie wird Dir gefallen, meine kleine Frau, sie ist braun, hellbraun, hat eine herrliche Gestalt, Schlank und knabenhaft, zarte Gelenke, die sanfteste Haut, die schönsten Augen, Zähne, kleine, knospenhafte Brüste, die nun mit der Mutterschaft aufblühen, und die feinsten Hände, weich und stark und liebkosend. Ich bin gespannt auf mein Kind; ich hoffe, dass es balisch wird und nicht mir ähneln wird. Aber darüber denke ich hoch wenig. Ich habe Furcht davor. Ich bin nämlich damals von Affen gebissen worden, der wirklich ein Syphilitiker war, und nun habe ich es auch bekommen. Der Doktor sagt, es schadet nicht der Nachkommenschaft, aber ich glaube ihm nicht ganz. Hier sind fast alle Kinder von dieser furchtbaren Krankheit entstellt, obwohl die Eltern gesund aussehen.

Und wir waren wieder zur Jagd in West-Bali, mit Bedienten und ich mit meinem Mädchen, wir kamen in ein Gewitter herein und trieben auf den scharfen Korallenriff auf, dass das Boot zersplitterte. Der eine Bediente hatte solche Angst bekommen, dass er, statt auf dem Riff zu warten, bis Ebbe kam, zum Ufer zu schwimmen versuchte. Doch bald hörten wir ihn furchtbar schreien und er wurde in die Tiefe gezogen, entweder vom Hai oder Krokodil. Wir blieben 9 Stunden nass an dem Riff geklammert sitzen und konnten nachher zurückwaten;

Mein Mädchen hat furchtbar geweint und klammerte sich an mich wie ein Kind. Walter hat ein Bein gebrochen; der Mast ist ihm mit all seiner Zentnerlast auf den Schenkel gefallen und er merkte es erst, als er gehen wollte und nicht konnte, denn geschmerzt hat es garnicht. Ich habe graue Haare bekommen, doch sie sind mir alle ausgefallen. Und dann mussten wir zurück zur bewohnten Welt und marschierten 6 Tage durch den Urwald, ohne Gewehre, mit kaum Essen, nur Reis, der nach Seewasser

sleep and we couldn't do anything about it. It was exasperating.

We now live in leaf huts and I sit on an empty box and type on my large suitcase. It smells terribly of sulphur, which comes out of the cracks in the earth, and whole plants wither and turn gray-brown. The Balinese, who have lost everything and many dead in the family, sit very close to the cracks in the earth and inhale the sulfur to die. The whole air is polluted with corpses and natural gas.

Dear mom! April-April-April. Everything is a lie, contrived, fabricated, just to remember that you can lie on April Fools Day.

Never before has Bali been as beautiful as it is today, full of sun, full of people who are beautiful and happy, endlessly fertile and peaceful. Our house has never seemed so neat and solid to me as it does today as we sketched around the interior design that is to come soon. We've never been so healthy and unharmed, and I've never been so full of marital worries, so longing for a "relationship". So be well again, it was April, the first today, and also post day. Since I wanted to write to you, and did not know what, I grabbed the first April and it went like clockwork. I will only write tall tales, much nicer than facts and verifiable stuff, descriptions, etc.

Now that I can't go on lying because I was in too much of a hurry to get you to rest, I really don't have anything more to tell you. I wrote to Dad the other day, again and again, and he can tell you the most necessary things, although they were all secondary matters.

Do me a favor and win something in the lottery so I can get my money back because my articles haven't paid yet, mostly because they're still here.

Please greet my sister who is so strict and so silent towards her brothers, the two "charlatans" and who knows how to correct them so well. Say hello to the Viennese friends, the Viennese coffee and the Viennese ladies, for whom I have

schmeckte. Ganz zerlumpt kamen wir an, halb verhungert und total erschöpft, wir waren so froh, Menschen zu sehen, dass wir unaufhörlich lachten und für verrückt angesehen wurden. Während unseres Marsches folgten uns unaufhörlich schwarze Lutangs, die menschengroßen Affen, und beschmissen uns mit Ästen und Zweigen, liessen uns nicht schlafen und wir konnten nichts dagegen tun. Es war zum Verzweifeln.

Wir wohnen nun in Blätterhütten und ich sitze auf einer leeren Kiste und tippe auf meinem grossen Koffer. Es riecht furchtbar nach Schwefel, der aus den Erdritzen dringt und die ganzen Pflanzen welken dahin und werden grau-braun; Die Balinesen, die alles verloren haben und viele Tote in der Familie, sitzen ganz nah bei den Ritzen und atmen den Schwefel ein, um zu sterben. Die ganze Luft ist verpestet von Leichen und Erdgasen.

Liebes Mamachen! April-April-April. Alles ist gelogen, ersonnen, erdichtet, um nur nicht zu vergessen, dass man am ersten April lügen darf.

Noch nie ist Bali so schön gewesen, wie heute, voller Sonne, voller Menschen, die schön und glücklich sind, endlos fruchtbar und friedlich. Noch nie kam mir unser Haus so schmuck und fest vor wie heute, da wir an der Inneneinrichtung, die bald kommen soll, herum skizzierten. Noch nie waren wir so voller Gesundheit und unversehrten Leibes und noch nie habe ich mich so über die Ehesorgen ausgelassen, so nach einem "Verhältnis" gesehnt. Also sei wieder gut, es war April, der erste heute, und ausserdem Posttag. Da ich Dir schreiben wollte, und nicht wusste was, griff ich zum ersten April und es ging wie geschmiert. Ich werde nur Lügengeschichten schreiben, viel netter als Tatsachen und nachweisbares Zeug, Beschreibungen, etc.

Nun, da ich nicht weiter lügen kann, weil ich zu eilig an Deine Ruhe dachte, reise ich wirklich nichts mehr zu erzählen. Ich habe Papa neulich geschrieben, immerwieder, und er kann Dir das

no longing at all, because everything is much better here.

All the best from heaven and earth, a few kisses on my slobbery, lying mouth and it's April Fools' Day, what a pity!

Sincerely,

your little Kozya-Mozya

Nötigste mitteilen, obwohl es alles Nebensachen waren.

Tue mir den Gefallen und gewinne etwas in der Lotterie, damit ich wieder Geld habe, denn meine Artikel haben noch nichts eingebracht, zum Hauptteil, weil sie noch hier liegen.

Grüsse bitte meine Schwester, die so streng ist und so schweigsam gegenüber ihren Brüdern, die beiden „scharlatanen“ und die sie so gut zurechtweisen versteht. Grüsse auch die Wiener Freunde, den Wiener Kaffee und die Wiener Madels, nach denen ich gar keine Sehnsucht habe, denn hier gibt es von alles viel besser.

Alles Gute vom Himmel und von der Erde, einige Küsse meinem sabbeligen Lügenmund und aus ist der erste April, wie schade!

Herzlichst,

Dein kleines Kozya-Mozya

Conrad Spies to Ida von Wogau

Bali: Oeboed, the 22.4.1931

My dear Aunt Ida,

Thank you very much for your touching letter and photo—I was very pleased and warmed. Since you write to me that letters from Misya and me, apart from flowers from Holland, (which I could always have sent you so well if I had any idea of your fondness,) are your “only joy”, I hasten to answer you.

But please do not be angry that I “type”, I am a terribly ill-bred brat and in addition have the misfortune to unlearn Russian more and more. Some time ago I dared to write to Misya in Russian, but she took away my courage, she wrote that I should rather not write at all, than write a gibberish that should be Russian. She managed that I don’t write to her at all, because I am not allowed to type, she is so strict and she calls me “merchant”, which I can’t stand.

That she is a “beauty” I did not know, but photos flatter; she is a dear fellow and looks like it, I admit.

I never hear anything from my smart brother, only indirectly through Mom or friends in America. He is doing well, otherwise one would know more about him. And Mom is in Vienna now, so close to you, so I am sure you can see her and Misja often. It is probably 4-6 hours by train, so bearable if you travel there for a few days. You must get well soon, fat and round; Ischl is a wonderful place to rest. Make an effort.

I know the book by R. Katz about Bali—it is not a good one, not a true one. The man is a journalist, not a poet, and you can’t expect him to know better. There is another book on Bali by Dr. Krause, better, but more scholastic. A third

Bali: Oeboed, den 22.4.1931

Meine liebe Tante Ida,

Herzlichsten Dank für Deinen rührenden Brief und das Photo – ich war sehr erfreut und erwärmt. Da Du mir schreibst, dass Briefe von Misja und mir, ausser Blumen aus Holland, (die ich Dir immer so gut hätte senden können, wenn ich eine Ahnung hätte von Deiner Liebhaberei,) Dir die „einzige Freude“ bedeuten, eile ich, Dir zu antworten.

Doch bitte sei nicht böse, dass ich „tippe“, ich bin ein schrecklich unerzogener Bengel und habe dazu das Unglück, russisch immer mehr zu verlernen. Vor einiger Zeit habe ich noch gewagt an Misja russisch zu schreiben, doch den Mut hat sie mir genommen, sie schrieb, ich solle lieber garnicht schreiben, als ein Kauderwelsch, das russisch sein soll. Sie hat es erreicht, dass ich ihr garnicht schreibe, denn tippen darf ich nicht, sie ist so streng und sie schimpft mich „Kaufmann“, was ich nicht vertrage.

Dass sie eine "Schönheit" ist, habe ich nicht gewusst, aber Photos schmeicheln; sie ist ein lieber Kerl und sieht so aus, gebe ich zu.

Von meinem gescheiten Bruder höre ich nie was, nur indirekt durch Mama oder Freunde in Amerika. Es geht ihm gut, sonst wüsste man mehr von ihm. Und Mama ist ja nun in Wien, so nah von Dir, sodass ich sicher bin, dass Du sie und Misja oft sehen kannst. Es sind wohl 4-6 Stunden per Bahn, also zu ertragen, wenn man für ein paar Tage hinreist. Du musst recht bald wieder ganz gesund werden, dick und rund; Ischl ist doch herrlich zur Erholung. Geb Dir Mühe.

one, "The last Paradise", even approaches Walter personally, is also more valuable than Katz's, but still not the real thing. Maybe I'll manage to put the essence of Bali on paper, I'm on my way with it, but it is going slowly, terribly slowly, because there is so much else to do. There's way too much to do, and you can't get anywhere with anything, that's miserable.

But there is nothing more beautiful than Bali, than my life in Bali. If I had inherited millions a year ago, I could not have imagined life as beautiful as it is for me now, although I don't have a cent.

I would have imagined travel, sports, hobbies and interesting occupations, freedom and some worry about money. Now I am sitting here and don't want to leave, just for a short time to Asia etc., to know a bit more of the world. I can follow my hobbies, have the most interesting occupations, freedom and no worries about anything. And the nature, that I love so much, is unbelievably beautiful here, the people I was looking for are the whole Balinese people, and the stupid white-collar life I was fleeing from is now so far away from me that I will hardly be subject to any compulsion or weakness to return to a office desk and to the monotonous business life. The common and useless question: "How do you imagine your further life?" — doesn't reach me.

I live from day to day and it is beautiful. It is not for me to burden myself with unnecessary worries and questions, because everything will happen as it should and I believe that one should get the best out of everything and not take into account the future, which will be good or bad by itself. I am not averse or afraid to bear the consequences of this attitude; only if I am happy to live and from a certain height I am able to face all blows, so to speak, no escape and no lying to myself.

I experience glorious things here, a resurrection. Apart from the fact that our life is a deep and varied and interesting one, with adventures,

Das Buch von R. Katz über Bali kenne ich – es ist kein gutes, kein wahres. Der Mann ist Journalist, kein Poet, und man kann von ihm nicht erwarten, dass er es besser weiss. Es gibt noch ein Buch über Bali von Dr. Krause, besser, aber schulmässiger. Ein drittes, "The last Paradise", geht Walter sogar persönlich an, ist auch wertvoller als das von Katz, aber immerwieder nicht das wahre. Vielleicht gelingt es mir, das Wesen Balis aufs Papier zu bringen, ich bin damit unterwegs, aber schleiche, schleiche furchtbar, denn es gibt so viel anderes zu tun. Es gibt viel zu viel zu tun, und man kommt mit nichts vorwärts, jämmerlich.

Aber es gibt nichts schöneres als Bali, als mein Leben auf Bali. Wenn ich vor einem Jahre Millionen geerbt hätte, so hätte ich mir das Leben nicht so schön vorstellen können, als es nun für mich ist, obgleich ich keinen Cent habe.

Ich hätte mir Reisen, Sport, Liebhabereien und interessante Beschäftigungen vorgestellt, Freiheit und etwas Sorgen um das Geld. Nun sitze ich hier und will garnicht wieder weg, nur für kurze Zeit mal nach Asien etc., um etwas mehr von der Welt zu kennen. Ich kann meine Liebhabereien befolgen, habe die interessantesten Beschäftigungen, Freiheit und keine Sorgen, um nichts. Und die Natur, die ich so liebe, ist hier unglaublich schön, die Menschen, die ich so suchte, bilden das ganze balische Volk und das blöde Angestelltenleben, wovon ich flüchtete, ist nun so weit von mir, dass ich kaum einem Zwang oder einer Schwäche unterliegen werde, wieder zurückzukehren auf einen Kantorbock und zu dem monotonen Geschäftsleben. Die weithergebrachte und usuell Frage: "wie stellst Du Dir Dein weiteres Leben vor?" erreicht mich nicht.

Ich lebe von Tag zu Tag und es ist schön. Es liegt mir nicht, mich mit unnötigen Sorgen und Fragen zu belasten, denn es wird schon alles so kommen, wie es muss und ich bin der Ansicht, man soll von allem das beste rausholen und nicht Rücksicht nehmen auf Zukunft, die

hunts, crossings of the island, in the footsteps of antiquities, the light comes on what life is, what is good and what is bad, what Europe is and how much stupid we learn and hold up, how much beautiful we pass by and how one-sided most of people are. I love being here!

I don't have a photo yet; I will make one, Walter will snap me with the monkeys and I will send it in the next letter. In the meantime, all the best and be convinced that I love you and want to give you pleasure.

Kisses from

your Kozya

vonselbst schon gut oder schlecht sein wird. Ich bin auch nicht abgeneigt oder ängstig, die Folgen dieser Einstellung zu tragen; nur wenn ich glücklich bin zu leben und von einer gewissen Höhe allen Schlägen begegnen vermag, ins Auge sehen, sozusagen, keine Flucht und keine Sichselbstbelügerei.

Ich erlebe hier herrliche Dinge, eine Auferstehung. Abgesehen davon, dass unser Leben ein tiefes und vielseitiges und interessantes ist, mit Abenteuern auf Jagden, auf Querfahrten durch die Insel, auf den Spuren der Altertümer, geht einem das Licht auf, was Leben ist, was Gut ist und was schlecht, was Europa ist und wie viel Dummes wir lernen und hochhalten, an wieviel Schönem wir vorbeilaufen und wie einseitig die meisten sind. Ich liebe es, hier zu sein!

Ein Photo habe ich noch nicht; ich werde eins machen, Walter wird mich mit den Affen knipsen und ich sende es im nächsten Brief. Inzwischen alles Gute und sei überzeugt, dass ich Dich gern habe und Dir gern Freuden bereiten will.

Küsse von

deinem Kozya

Conrad Spies to Maria Spies

Ubud, 5/29/1931

Dear Sister!

Thank you for your letter and trust. Keep your nose in the sky and all will come off safely. Don't give in and look more expansively. The world is not held by man and forgive your neighbor.

Wrote maman a letter of advice, and I hope that you will somehow resolve the crisis. Ask her to let you read it, so the two of you can decide what to do and how to be.

And about your artwork, I advise you to be more energetic. For example, consult with people who understand art and know people in the circles of artists, critics, exhibition and theater directors, and others. I hope to get some of your work soon, and I will try with Valka to recommend you to this and that. He knows a lot of people and is friends with the bosses, so maybe we could put you in touch with solid people and help you out of friendship and love of art. For example, we could arrange an exhibition in America or here in Java, where a lot of people love Russia and have money to buy paintings. Take the business from a commercial point of view, and then, having a name and lovers for your stuff, you can, like Valka, charge prices. Now without advertising and intercourse even Christ would starve, and there is nothing sour or difficult about advertising and intercourse.

Write how you're doing, and what you're working on. Paint 30 pictures and icons and engravings, we'll put it on an exhibition!

Love and kisses,

your (uncle) Kozya

Убуд, 29.5.1931

Дорогая сестра!

Спасибо за письмо и доверие. Держи нос в небо и все сойдет благополучно. Не поддавайся и смотри обширнее. Свет не на человеке держится и прости ближнего.

Написал маман письмо с советами, и надеюсь, что как-нибудь уладите кризис. Попроси ее дать тебе прочитать, чтоб вдвоем решали, что делать и как быть.

А насчет твоих художеств советую быть энергичней. Например, посоветуйся с людьми, понимающими искусство и знакомыми в кругах художников, критиков, директоров выставки, театров и других. Надеюсь скоро получить что-либо из твоих произведений и постараюсь с Валькой рекомендовать тебя тому да сему. Он многих знает и дружен с „шишками“, так что может быть нам удастся свести тебя с прочными людьми и подсобить тебе из дружбы и любви к искусству. Например, смогли бы устроить тебе выставку в Америке или здесь на Яве, где много людей любят Россию, и имеют деньги купить картины. Возьмись за дело с коммерческой точки зрения, а потом, имея имя и любителей на твои вещи, можешь как Валька, брать цены и [уютничать]. Теперь без рекламы и сношений и Христос сголодал бы, а в рекламе и сношениях нет ничего кислого или закоулистого.

Пиши, как дела, и что работаешь. Намамой 30 картин, и икон, и гравюр, — выставку устроим!

Люблю и целую тебя,

твой (дядя) Козя

Conrad Spies to Maria Spies

Bali, July 14, 1931

My dear sister!

How are you doing? Are you feeling well? Did you get my letter and read mother's letter?

I was ill with malaria, I had a fever for 3 weeks, I lost weight and got weak, but now I am getting well and smiling, and in a week I will forget I was ill. Don't scare mother, and if you tell, add that there are three wonderful doctors and a hospital and Dutch nurses in Bali and everything is great.

Now we're making a movie. Making a real big movie, that is, helping to make one. We go around with cameras, look for a film-star, write a manuscript and screenplay and the work boils! Fun and tedious. In five months it will be ready, and by next summer, 1932, they will show it, if everything goes according to the program. Go and see what we've cooked up and what a country Bali is!

Now it's as cold as in Europe in the evenings and at night, if not worse. We sit in our coats and freeze, and sleep under two wool blankets. It's hot during the day, but not as hot as in the rainy season. In general, the climate here is wonderful! And nature is wonderful! Often we drive in a field, between ripe yellow rice, like rye or oats, and it reminds us of Russia, only the fields are more colorful, and the palms, not the birch! And the people are queer, Old Believers men, chocolate-colored and half-naked. Half-gods in build!

And the children here! What a bunch of kids! One is more beautiful than the other, naked, laughing, teeth, eyes, hands, feet, necks, heads, bellies—all such incredible peaches, and so well

Бали, 14 июля 1931

Дорогая сестрица!

Как живёшь-поживаешь? Самочувствие ничего себе? Моё письмо получила и мамино прочитала?

Я тут хворал, малярия, провалялся 3 недели с жаром, похудел и ослабел, но теперь уже поправляюсь и улыбаюсь, и через недельку забуду, что болел. Не пугай мать, а если расскажешь, то прибавь, что на Бали есть три замечательных доктора, и больница, и сёстры голландские, и всё замечательно.

Теперь занимаемся фильмом. Делаем настоящий большой фильм, то есть помогаем делать. Разъезжаем с аппаратами, ищем film-star, написали манускрипт и drehbuch и кипим работой! Весело и утомительно. Через месяцев пять будет готов, а к следующему лету, 1932, будут его показывать, если все пойдет по программе. Пойди, погляди что настряпали и что за страна Бали!

Теперь по вечерам и ночам здесь холодно, как Европе, а то и хуже. Сидим в пальто и мёрзнем, а спим под двумя шерстяными одеялами. Днём жарко, но не так, как в дождливый сезон. Вообще климат здесь чудный! И природа чудесная! Часто едем по полю, между рисом спелым жёлтым, как рожь или овёс, и напоминает Россию, только поля пестрее, да пальмы, а не берёзы! А народ чудной, мужики-староверы, шоколадные и полуголые. Полубоги по сложению!

А дети здесь! Что за ребята! Один красивее другого, голыши, смеются, зубки, глазки, ручки, ножки, шейки, головки, пузики — все такие душки невероятные, и так хоро-

they live! And about women and girls I dare not even speak, not enough words—goddesses! What a build, what movements, what walk! Don't tell me about the Europeans, we're all freaks, degenerates! And what a life here, only beauty and harmony, wherever you look!

Have you heard about my journalistic success? In Java and in Holland they printed my first article, which I wrote and offered. I can't believe it! Others have been trying for years, and here, the first one was taken right away. It's reassuring, now there is courage and hope that I may succeed in a career as a writer. Now it's more fun to write, and there's so much to write, you don't even know what first, where to start!

So what about your paintings? Did you send us anything? By golly, we'll arrange an exhibition, and introduce you to the right people! Why are you sitting backstage, in poverty? You've got to eat! You've got talent, you paint every piece with your own style! You should have a manager to help you and advise you on where to apply, where to exhibit, where to get an order, and so on.

Well, all the best to you! Keep up the good work! Drop me a line, don't forget your brother! Kisses,

your Uncle Kozya

Give my regards and a kiss to mother. I'll write to her soon, there's nothing now!

шо им живётся! А про женщин и девушек и говорить не смею, не хватает слов — богини! Что за сложение, какие движения, походка! Не говори мне про европейцев, уроды мы все, дегенераты! И какая здесь жизнь, одна красота да гармония, куда ни глянь!

Уж слыхала про мой журналистический успех? На Яве и в Голландии пропечатали мой artikel первый, который я написал и предложил. Даже не верится! Другие стараются годами, а тут, первую и сразу взяли. Это подбодряет, теперь есть смелость и надежда, что может удастся карьера писателя. Веселее писать, а писать есть так много, даже не знаешь, что сперва, где начать!

Ну а как с твоими картинами? Что-либо послала нам? Ей-богу, устроим выставку, познакомим с нужным людьми! Чего сидишь за кулисами, в бедности?! Питаться ведь надо! Талант ведь есть, малюешь чудно, своим стилем каждое произведение! Эх ты! Тебе надо и менеджер, чтобы тебе дела вел, и советовал, куда обратиться, где выставить, где получить заказ и так далее.

Ну, всего тебе хорошего! Успевай! Черкни словечко, не забывай брата!

Целую,

твой дядя Козя

Привет и поцелуй маменьке! Напишу ей скоро, теперь нечего!

Conrad Spies to Otto Spies

Bali, July 15, 1931, Oeboed

Dear Brother!

There is no reason at all for me to write to you; I should rather sink back into myself offended because you never answer me. But I am so good-hearted and such a model brother, a rascal, so to speak, Agamemnon, or as you have ever called me, and cannot bear it if I cannot say something stupid to you from time to time.

After all, [...], for example. Besides, I am terribly curious. From Europe, or more precisely, Dad, I know that you were able to give him the pleasant news of earning a tremendous salary and rendering indisputable services to science. Of course, this is nothing impressive for a person who lives in Bali and appreciates with admiration the idleness of grown and old men who, instead of working, fly kites in the air like little boys and rejoice.

But after all, even here one does not lose the measure of great deeds in the civilized world, and has heartfelt feelings when such a close family member, as a brother is, makes a way or a path away.

And then one is interested in something, what conditions of life were necessary to cause such an upswing in you. To put it more briefly, I would be immensely pleased if you could record for me, on the basis of your many exercises in composing technical stuff as an extract, an extract of your way of life and your mental stirrings. You are not like that.

And to get Ernst into the story, because you probably realize that I am very dissolute and versatile, it would also make me immensely happy if the same Ernst, our friend and Görner,

Bali, den 15. Juli 1931, Oeboed

Liebes Brüderschen!

Es liegt gar kein Grund vor, dass ich Dir schreibe; ich sollte vielmehr beleidigt in mich zurück-sinken, weil Du mir nie antwortest. Aber ich bin so herzensgut und so ein Muster-Bruder, ein Früchtchen, sozusagen, Agamemnon, oder wie Du mich jemals gepiffen hast, und kann es nicht vertragen, wenn ich nicht von Zeit zu Zeit etwas Dummes an Dich erzählen kann.

Man schreibt ja auch z.B. Besen und spricht Bääsen. Außerdem bin ich furchtbar neugierig. Aus Europa, oder näher gesagt, Papa, schrieb mir, dass Du ihm die erfreuliche Mitteilung machen konntest, ein ungeheures Gehalt zu verdienen und der Wissenschaft unbestreitbare Dienste zu leisten. Das ist ja natürlich nichts Imponierendes für einen Menschen, der auf Bali lebt und voller Bewunderung das Nichtstun erwachsener Männer und Greise, die statt zu arbeiten, wie kleine Jungens Drachen in die Luft steigen lassen und sich freuen, schätzt.

Aber schließlich verliert man auch hier nicht den Maßstab für Großtaten in der zivilisierten Welt und hat Herzenswallungen, wenn ein so nahes Familienmitglied, wie ein Bruder ist, sich einen Weg bahnt oder eine Bahn wegt.

Und dann ist man so etwas interessiert, welche Lebensbedingungen erforderlich waren, um einen solchen Aufschwung in Dir zu verursachen. Kurz und bündiger gesagt, es würde mich ungemein freuen, wenn Du mir auf Grund Deiner vielen Übung, technischen Krams als Extrakt zu komponieren, mal einen Extrakt Deines Lebenswandels und Deiner see-

Gönner rather, would put himself on the basis of a news bureau and let me know what will become of him.

As far as I am oriented, you live together in Linden Ave and you are also conically connected by the possession of a car, what gives me more or more the conviction that you have no secrets from each other and that you share the gasoline expenses honestly, without betraying each other.

And here comes finally: the critical moment when the elephant gets his bun and the country is closed to 2-year-old citizens who have just learned the language and have dug themselves a warm place.

Like orphans, they have no home and wander around, abandoned and hungry. So it is also my concern what will become of you when this bun moment occurs. Brave as a Herzogowiner, Ernst already knows to tell that his way will lead him far away and that life awaits him with open arms. If there is a good council brother, it is our all dear signer of this, and his Ophyrian words proclaim that the states are great and if it pleases the gods, even orphans can find a home.

On the other hand, my hair turns gray with anguish when I think of you pinning your hopes on Germany or Europe. Woe to the gifted one who turns to his fatherland full of confidence! The kingdom of God is closer to him. Full of wonders, on the other hand, is the realm of the East, that amiable realm of ancient cultures, of fine people, of worship of the gods. I don't want to say Bali, which is the closest to me, no, Bali is an island for slackers, for idealists and profound people. You have to have money, you have to be detached from the world, and you are supposed to be an oddball to endure Bali. But the East is huge and billions of people live there, spreading their arms to the rising sun.

And there are whites living in it, vanishingly few whites, who wish to regulate the rising of the sun and rule over the other races. And these Whites have much work, they make work for

lischen Regungen aufzeichnen könntest. Man ist ja nicht so.

Und um Ernst in die Geschichte zu bekommen, denn Du merkst wohl, dass ich sehr ausschweifend und vielseitig angelegt bin, wurde es mich ebenso ungemein freuen, wenn ebenderselbe Ernst, unser Freund und Görner, Gönner vielmehr, sich auf die Basis eines Nachrichtensbüros legt und klipp und klapp mitteilt, was aus ihm wird.

Soweit ich orientiert bin, bewohnt ihr gemeinsam die Linden Ave und seid ausserdem durch den Besitz eines Auto konisch verbunden, was mir mehr oder noch mehr die Überzeugung gibt, dass Ihr keine Geheimnisse vor Euch habt und die Benzin-Ausgaben redlich teilt, ohne einander zu hintergehen.

Und da kommt nun schliesslich der kritische Moment, wenn der Elephant sein Brötchen bekommt und das Land geschlossen ist für 2-jährige Bürger, die die Sprache gerade gelernt haben und sich ein warmes Plätzchen ausgedudelt haben.

Wie Waisen, haben sie keine Heimat und irren umher, verlassen und hungrig. Es ist also auch meine Sorge, was aus Euch wird, wenn dieses Brötchenmoment eintritt. Mutig wie ein Herzogowiner, weiss Ernst jetzt schon, zu erzählen, dass sein Weg ihn weit weg führen wird und dass das Leben ihn mit offenen Armen erwartet. Wenn es einen guten Ratbruder gibt, so ist es unser aller lieber Unterzeichner dieses, und seine ophyrischen Worte verkünden, dass die Staaten gross sind und wenn es den Göttern gefällt, auch Waisen ein Heim finden können.

Andererseits ergraut mein Haar vor Pein, wenn ich daran denke, dass Ihr Eure Hoffnungen auf Deutschland setzt oder Europa. Weh dem Begabten, der sich voller Zuversicht an sein Vaterland wendet! Das Reich Gottes steht ihm näher. Voller Wunder ist dagegen das Reich des Ostens, dieses liebenswürdige Reich der alten Kulturen, der feinen Menschen, der Götterverehrung. Ich will nicht sagen Bali, was mir

themselves. Not for the good of the many other races, but for their own pockets. And there are still countries where such talented engineers find work. They must not be profound or philanthropic people, they should not shrink from the fact that by their work they make many unhappy and bring civilization, desecrate nature and drive the world in the East to the same conditions as they are in the white countries. But there is no limit, no veto to this.

You can't stop this selfish movement, you can't fight it, because there are too many people who want to fill their pockets as long as they live and have no interest in what will become of the East after they die, after generations. One must not be an idealist if one wants to live. And it is not a sin therefore to join the dance. The music is playing, the pack is dancing, you can't stop it, you have to join in or you will be printed against the wall. In order not to lose the thread, I want to proclaim right away: seek in the East! Do not turn your steps to the tattered West, to the devil's cauldron, where the devils step on their hooves and kick off their horns. Try to connect with the East. So much for the good advice.

To speak of something more important: my existence. It is that of a not-knowing, a vague. There are no goals for me, no prospects, no thoughts of the future. The present, the carefree, sunny, everyday, is in my mind. And what do you do? One writes articles, sends one in, and is proud that it is accepted and paid for. One finds a rare antiquity in the rice field, excites archaeologists and curious people, gives a new direction to the circle of thoughts about past times. You keep digging and in the middle of the work something slips in between, so you let it rest until better days when you get angry about antiquity again and want to know what is really there in the earth; a Hindu temple, a monastery, a tomb?

And then people come along, interesting, pleasant people, who want to know, want to learn, want to see, because their time is limit-

am nächsten liegt, nein, Bali ist eine Insel für Nichtstuer, für Idealisten und Tiefsinnige. Man muss Geld haben, man muss weltabgewandt sein und man soll ein Sonderling sein, um Bali zu ertragen. Aber der Osten ist riesig und es leben Milliarden Menschen darin, die der aufgehenden Sonne ihre Arme entgegenbreiten.

Und es wohnen Weisse darin, verschwindend wenig Weisse, die das Aufgehen der Sonne zu regeln wünschen und über die anderen Rassen regieren. Und diese Weissen haben viel Arbeit, sie machen sich Arbeit. Nicht zum Wohl der vielen anderen Rassen, aber für die eigenen Taschen. Und es gibt noch Länder, wo solche begabte Ingenieure Arbeit finden. Es dürfen keine tiefsinnigen oder menschenfreundlichen Menschen sein, sie sollen nicht davor zurückschrecken, dass sie durch ihre Arbeit viele unglücklich machen und Zivilisation bringen, Natur schänden und die Welt im Osten zu den gleichen Zuständen treiben, wie sie in den weissen Ländern sind. Aber es gibt keine Grenze, kein veto dafür.

Man kann diese eigennützige Bewegung nicht aufhalten, man kann nicht dagegen ankämpfen, denn es sind zu viele, die ihre Taschen füllen wollen, solange sie leben, und kein Interesse haben, was nach ihrem Tode, nach Generationen, aus dem Osten wird. Man darf kein Idealist sein, wenn man leben will. Und es ist demnach keine Sünde, den Tanz mitzumachen. Die Musik spielt auf, der Rudel tanzt, man kann ihn nicht aufhalten, man muss mitmachen, oder man wird an die Wand gedrückt. Um den Faden nicht zu verlieren, will ich gleich verkünden: suchet im Osten! Wendet Eure Schritte nicht nach dem zerfetzten Westen, nach dem Teufelskessel, wo die Teufel sich auf die Hufen treten und die Hörner abstossen. Versucht Anschluss zu bekommen nach dem Osten. Soviel des guten Rats.

Um von Wichtigerem zu reden: mein Dasein. Es ist das eines Nichtwissenden, eines Vagen. Es gibt keine Ziele für mich, es gibt keine

ed and the West has stretched out its hands to them so as not to lose them.

You help, you drive around, you show what you have seen, what you have enjoyed, you tell what you know. And then you get the desire to see more, to know more, and you research, you search and find, find endlessly! Every small step is rewarded, every question becomes a wealth of answers, new worlds open up, which can be traced back to primeval times.

And then businessmen come and hijack you, want to exploit you, squeeze you to earn, to make money at our expense. You refuse, you get offered something, you get persuaded and you make a film. You make an effort to make the film well, to put all your skills and knowledge into it, because you love Bali, you also want to show it to the world in a good light. And so you work on the film from morning till night and it's fun and worrying. You feel like a sinner by giving away the happiness of the people, showing it to the world, distracting interest and accelerating the downfall. And one is happy when one finds the core of the matter, when one indicates the right people that should act. You're happy to see the play of heroes, you fall for the star you've discovered yourself, you're angry when a gorgeous rice paddy is overlooked and a less typical one is shot.

And when you're really into the work and have fever, creative fever, you realize that you're being short-changed, that you're giving away; and you rebel, you protest, you want your right and fight for your earnings, which the businessmen themselves want to pocket. And then you come to a compromise, you think you get rights and you continue to create, but you always feel like the giver, like the stupid one who was taken by surprise.

And then you forget that too. Because you see a performance, you hear an orchestra, and you are enraptured. You absorb the splendor of the landscape, the beauty of the people, you become happy. You say to yourself, there is only Bali for

Aussichten, keine Zukunftsgedanken. Die Gegenwart. die sorglose, sonnige, alltägliche, ist in meinem Sinn. Und was tut man? Man schreibt Artikel, sendet einen, ein und ist stolz, dass er angenommen und bezahlt wird. Man findet ein seltenes Altertum im Reisfeld, regt Archäologen und Neugierige auf, gibt eine neue Richtung dem Gedankenkreis über vergangene Zeiten. Man gräbt weiter aus und mitten in der Arbeit schlüpft etwas dazwischen, sodass man es ruhen lässt, bis zu besseren Tagen, wenn man wieder altertumswütend wird und wissen will, was nun wirklich dort in der Erde steckt; ein Hindu-Tempel, ein Kloster, ein Grab?

Und dann kommen Menschen daher, interessierte, angenehme Menschen, die wissen wollen, lernen wollen, sehen wollen, denn Ihre Zeit ist beschränkt und der Westen hat seine Hände nach ihnen ausgestreckt, um sie nicht zu verlieren.

Man hilft, man fährt herum, man zeigt, was man selbst gesehen hat, was einem selber Freude gemacht hat, man erzählt, was man weiss. Und dann bekommt man selber Lust, noch mehr zu sehen, zu wissen, und man forscht, man sucht und findet, findet endlos! Jeder kleine Seitenschritt wird belohnt, jede Frage wird ein Reichtum an Antwort, neue Welte schließen sich auf, die zurückzuführen sind auf Urzeiten.

Und dann kommen Geschäftsleute und kapern einen, wollen einen ausnutzen, einen auspressen, um zu verdienen, um auf unsere Kosten Geld zu machen. Man weigert sich, man kriegt was geboten, man wird überredet und man macht einen Film. Man gibt sich Mühe, den Film gut zu machen, all sein Können und Wissen darin zu legen, denn man hat Bali lieb, man möchte es auch der Welt im guten Licht zeigen. Und so arbeitet man von früh bis spät am Film und es macht Spass und Sorge. Man fühlt sich als ein Sünder, indem Man das Glück des Volkes preisgibt, es der Welt zeigt, Interesse anlenkt und den Untergang beschleunigt. Und man ist froh, wenn man den Kern der Sache fin-

me, and you live in the present. And far away, somewhere in the back of your mind, you feel sorry for people in the West who don't know Bali, who don't know the happiness of living only in the present. And then you breathe a sigh of relief and say to yourself: let them, let them toil, there is no room in this world to make everyone happy, and people want unhappiness, want worries and duties, want ruin.

And so it stands, brother. If I hadn't had malaria for 3 weeks and been consumed by fever, skinny and weak, I wouldn't have written; I would have worked on the film. Now I am recovered and write it to you. We live on coincidences. Greetings to all and write to your little

brother Conrad

det, wenn man die richtigen Menschen angibt, die darstellen sollte. Man freut sich über das Spiel des Helden, man verguckt sich in den Star, den man selbst entdeckt hat, man ist wütend, wenn ein herrliches Reisfeld übersehen wird und ein weniger typisches gedreht wird.

Und wenn man ganz richtig in der Arbeit steckt und Fieber hat, Schaffensfieber, merkt man, dass man übers Ohr gehauen wird, dass man schenkt; und man bäumt sich auf, man protestiert, man will sein Recht haben und kämpft für seinen Verdienst, den die Geschäftsleute selber einstecken wollen. Und dann kommt man zu einem Kompromiss, man glaubt, Recht zu bekommen und schafft weiter, aber man fühlt sich immer als der Schenker, als der Dumme, der überrumpelt wurde.

Und dann vergisst man auch das. Denn man sieht eine Vorstellung, hört ein Orchester, und ist hingerissen. Man saugt die Pracht der Landschaft, die Schönheit der Menschen in sich auf, man wird glücklich. Man sagt sich, es gibt nur Bali für mich und man lebt in der Gegenwart. Und ganz fern, irgendwo im hintersten Kämmerlein, hat man Mitleid mit menschen im Westen, die Bali nicht kennen, die das Glück nicht kennen, nur in der Gegenwart zu leben. Und dann atmet man auf und sagt sich: lass sie, lass sie sich schinden, es gibt nicht Platz auf dieser Welt, alle glücklich zu machen, und die Menschen wollen Unglück, wollen Sorgen und Pflichten, wollen den Untergang.

Und so steht es, Brüderlein. Wenn ich nicht 3 Wochen lang Malaria gehabt hätte und vom Fieber verzehrt wäre, mager und schwach wäre, so hätte ich nicht geschrieben; ich hätte am Film gearbeitet. Nun bin ich genesen und schreibe es Dir. Wir leben von Zufällen. Grüsse alle und schreibe Deinem kleinen

Brüderlein Conrad

Conrad Spies to Sophie Spies

Bali, July 16, 1931

Dear Mother!

Lest I be offended that I am writing to my sister and not to my mother. I enclose a few minor lines for your pleasure. I confess that I have nothing to write. I recently wrote to Papa, and as I suspect he is forwarding my letters to you, if there is any news in it, you will probably hear from him. Also, I wrote a long letter to Bunya and Görner, asking them to scribble a word to me, as I have not heard or know anything about them.

And my life flows peacefully and happily. I am busy making a film, occasionally find time to write, but in general the work progresses quietly, because there are so many small amusements and work in all fields. Can't complain, nothing to complain about!

Well, how are you doing? Is your illness completely gone and forgotten, so do you feel healthy and walk alone? Misyá's affairs are no fun, so try to cheer her up and help her probably. About Dad, I'm glad he's leaving "[God...]" I had just read about Nordwolle in the paper, so it all worked out just in time. He has not yet written to me in detail about his new place, but I hope it will be to his liking.

You don't write much anymore. I sit without letters for weeks, unlike before.

All the best and health! Greetings to Karin and the others. Kisses tight,

your foundling Kozya

(Hope you can make it out—crappy paper!)

Бали, 16 июля 1931

Дорогая маменька!

Чтобы не было обиды, что, мол, пишу сестре, а не матери. Прилагаю несколько малозначительных строк для твоего удовольствия. Признаюсь, что писать мне нечего. Недавно я написал папе, а так как я подозреваю, что он пересылает мои письма тебе, если в них есть новости, то ты наверное от него услышишь. Кроме того, я разрешился длинным письмом Буне и Гёрнеру, прося их черкнуть мне словечко, так как про них я ничего не слышу и не знаю.

А жизнь моя течет мирно и счастливо. Занимаюсь производением фильма, изредка нахожу время писательствовать, но в общем работа продвигается тихо, ибо так много развлечений мелких и работ по всем поприщам. Жаловаться не могу, не на что!

Ну а вы как поживаете? Твоя болезнь совсем прошла и забыта, так что чувствуешь себя здоровой и гуляешь одна? Мисины дела не веселые, так что постарайся ее подбодрить и помочь наверное тоже можно. Про папу я рад, что он покидает "[Год...]" Я как раз прочел в газете про Nordwolle, так что в общем все вовремя уладилось. Про его новое место он мне еще не писал подробно, надеюсь, что оно будет по его вкусу.

Что-то ты редко писать стала. Вообще неделями сижу без писем, не то что раньше.

Всех благ и здоровья! Привет Карин и другим. Целую крепко,

твой подкидыш Козя

(Надеюсь сможешь разобрать — поганая бумага!)

Conrad Spies to Sophie Spies

20.7.1931¹

Mamachen!

There is still something to write! There is a request: you can send me Russian books, namely the following:

“From the double-headed eagle” Krasnov; Trilogy (“Fallen Leaves”, “To Understand-For-give” and I don’t remember the title); “Descent into the valley”, I don’t remember whom (Кетов); and all sorts of others!

That I have read them before means nothing, I will read them with pleasure again, and Valya wants to read them. They still lie somewhere in your category of already read and you don’t need them badly. Send them alone “als Drucksache” or two each week. Here we are completely unlearning how to speak Russian, having no books, Russian people, and so on.

There is another request: I have to pay ASV for membership 20 marks. If the money you gave me is still available, then send it to ASV (Gottstreustrasse, 3, Dresden—A) marked “Spies membership fee”. And if the money is in the lottery—nothing to do, but let me know about it, please.

If the books are in Dresden, then maybe there are other good ones in Vienna that have been read, but with others we will wait until you return to Dresden, if Madame Paul cannot send them for you.

I did not send this letter, as I was absent from Ubud and did not know the address by heart.

Kisses,

your Goat

20.7.1931

Мамахен!

Es ist noch was zu schreiben! Есть просьба: можешь мне прислать русские книги, а именно следующие:

„От двуглавого орла“ Краснова; Трилогию („Опавшие листья“, „Понять-простить“ и не помню заглавие); „Спуск в долину“, не помню кого (Кетова); и ещё всякие другие!

Что я их читал раньше, ничего не значит, я их прочту с удовольствием опять, и Валя хочет их прочесть. Они всё-равно лежат где-нибудь у тебя в категории прочитанных и тебе не нужны до зарезу. Пересылай их в одиночку „als Drucksache“ или по две каждую неделю. Мы здесь совсем разучиваемся говорить по-русски, не имея книг, русских людей и так далее.

Есть просьба другая: мне надо заплатить ASV за членство 20 марок. Если деньги, которые ты мне подарила, ещё имеются, то перешли их ASV (Gottstreustrasse, 3, Dresden — A) с пометкой „членский взнос Шпис“. А если деньги в лотерее — нечего делать, но дай мне знать про это, пожалуйста.

Если книги в Дрездене, то может в Вене есть другие хорошие, прочитанные, а с другими подождём, пока ты вернешься в Дрезден, если мадам Поль не может переслать их за тебя.

Это письмо не отсылал, так как отлучался из Убуда и не знал адрес наизусть.

Целуемся,

твой Козлятина

1 Letter №17.

CONRAD SPIES TO SOPHIE SPIES

Please! Describe how pickled and lightly salted cucumbers are made in a closed barrel or an open one, and how much salt and water, and some other recipe, for example, "fish soup" or "cake".

Просим! Изложи, как делают солёные и малосольные огурцы в закрытой бочке или открытой, и сколько соли и воды, и ещё какой-нибудь рецепт, например „уха“ или „кулич“.

Conrad Spies to Maria Spies

Bali, July 31, 1931

My dear sister!

Not a word from my immediate family. I have heard indirectly that I have a nephew, a baby of your making, whom you warned me about. Please accept my congratulations and sympathy. There will be secular freaks who will condemn you, it is an unwritten law not to avoid, but pay no attention to that. The rest of us will pity you, hardly anyone will call you a “happy” mother! Though I am glad that I have got the rank of “uncle”, I cannot think of your feelings and thoughts and wonder whether you are rejoicing or grieving. About your worries I am relieved, they say that father volunteered to help you for a year. After all the misunderstandings you had with him, I am very pleasantly touched by his action and love Papa unreservedly.

Writing is now your job. I have no news, but you have plenty, and all your worries and so on interest me now more than in your adventurous years of hanging around. I kiss the baby and want to know many things.

Kisses,

your uncle Kozya

Бали, 31 июля 1931

Дорогая сестрёнка!

От ближней родни ни слуха ни духа. Зато непрямым путём дошли вести, что есть у меня племянник, малышка твоего изделия, о чём ты меня предупреждала. Прошу принять мое поздравление и сочувствие. Найдутся светские уроды, которые тебя осудят, этому неписанному закону не илизнуть, но не обращай на это внимания. Остальные будут жалеть тебя, навряд ли кто-нибудь возгласит тебя „счастливой“ матерью! Я хоть и рад, что добыл чин „дяди“, но не могу вдуматься в твои чувства и мысли, и гадаю, ликуешь ты или горюешь. Насчет твоих забот я успокоен, говорят, что папаша вызвался тебе помогать один год. После всех недоумений, которые ты с ним имела, я весьма приятно тронут его поступком и люблю папу безуступно.

Писать — теперь твоя должность. У меня новостей нет, зато у тебя куча и все твои переживания и так далее меня теперь интересуют больше, чем в твои авантюрные годы слонения. Лобызаю младенца и любопытствую узнать многое.

Целую,

твой дядя Козя

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 9.8.1931¹

Dear mother!

I am enclosing a letter to Daga, please send it to her as soon as possible and congratulate Alena the “thinker”!

Are you a grandmother now? Who will believe it? What are these tricks, to learn all the news not in a direct way? You write about Daga, not Daga or Mulek, they write about Alexei, that is, my nephew, from Berlin, and not you, about Bunya—from America, not him! Per Saldo, I am very glad that I became an uncle, and that Misya does not have a husband—in a sense, it is a pity, although this does not bother me, because I am anti-marriage.

I recently wrote a letter to Misya, so I am not writing to her today, because my time has become valuable thanks to the film. I am sure that I will win the lottery, because all the dates are in accordance with the predictions of the stars and in Bali everything is settled without any effort. I ask you to pay the ASV 20 marks, send the rest of the money here. If the winnings are very large, please let me know the amount, because then I want to make a split with Misya and others. Unfortunately, I am not yet rich and a few pennies, I would really like all sorts of acquisitions and the arrangement of a business.

Everything is in order here, alive and well and carefree. Hello Misya, Alya, kiss you,

Your Kozya

Ubud, 9.8.1931

Милая мамахен!

Влагаю письмо Даре, прошу прошу переслать его ей поскорее и поздравить Алёну-„мышленника“!

Ты теперь бабушка, что ли? Кто этому поверит? Что это за фокусы, все новости узнавать не прямым путём? Про Дагу пишешь ты, а не Дага или Мулёк, про Алексея, то есть моего племянника, пишут из Берлина, а не ты, про Буню — из Америки, а не он! Per saldo я очень рад, что стал дядей, а что у Миси мужа нет — в некотором смысле жаль, хоть мне это не мешает, ибо я анти-брак.

Я Мисе недавно написал письмо, так что сегодня ей не пишу, ибо время моё стало ценным благодаря фильму. Я уверен, что выиграю в лотерее, ибо все даты в согласии с предсказаниями звёзд, и на Бали всё улаживается без всяких стараний. Прошу заплатить АСВ 20 марок, остальные деньги прислать сюда. В случае выигрыш очень большой, прошу сообщить сумму, так как тогда хочу предпринять разделение с Мисей и другими. К сожалению, я пока не богатый, и несколько грошей мне пришлось бы очень по вкусу на всякие приобретения и устройство гешефта.

Здесь всё в порядке, живы-здоровы и беззаботны. Привет Миссе, Але, поцелуй тебе,

Твой Козя

¹ Letter №18.

Conrad Spies to Sophie Spies

Bali, 27.8.1931¹

Dear mommy!

Your written outpourings have become very rare, which is generally understandable, since you are a grandmother and consider yourself primarily responsible for all the whims of nephew. I can imagine what such a “suck” looks like, because 2 minutes ago I admired how the mother feeds the half-month-old Balinese from a full breast. I am even sure that the local one is much more beautiful than my nephew, because children, adults, and in any case, sucklings are distinguished by their beauty and intelligent appearance, and do not look like pink pigs. Of course I will be glad to receive a photo.

How are Misyá's feelings? And where does she want to go now? In general, I don't know how you live there, because I read sad news in the newspapers. Get cheered up and drop me a line, what's up, how, etc.

And I live here in full contentment, today I'm going for 3–4 days to the lake in the mountains with very nice Americans² (a married couple) and a Dutch friend. It is cold and quiet in the mountains, the lake is 700 m deep and there is a primeval forest around.

All the last days and weeks we have been working on the film, getting angry, cursing and rejoicing if everything goes well. Valya and I

¹ Letter №19.

² The Americans were Colin McPhee and his wife Jane Belo. He wrote the definitive book about Balinese music. She worked with anthropologists Margaret Mead and Gregory Bateson.

Бали, 27.8.1931

Дорогая мамонька!

Твои письменные излияния стали очень редки, что в общем понятно, ибо ты бабушка и считаешь себя первым делом ответственной за все капризы племянника. Могу себе вообразить, на что такой „ососок“ похож, так как 2 минуты тому назад любовался как мать кормит полумесячного балинезийца из полной груди. Я даже уверен, что здешний куда красивее моего племянника, ибо дети, взрослые и во всяком случае ососки здесь отличаются красотой и интеллигентным видом, а не похожи на розовых поросёнков. Конечно буду рад получить фото.

Как Мисины самочувствия? И куда она хочет теперь поместится? Вообще не знаю, как вы там живёте, ибо в газетах читаю невесёлые новости. Разбодрись и черкни разик, что да как, и т.д.

А я тут в полном довольствии проживаюсь, сегодня еду на 3–4 дня к озеру в горы с очень милыми американцами (супружеская пара) и голландским приятелем. В горах холодно и тихо, озеро 700 м глубины и вокруг первобытный лес.

Все последние дни и недели работаем над фильмом, злимся, ругаемся и радуемся, если удачно всё сойдёт. Валька и я будем ликовать, когда всё это кончится и можно будет жить, как прежде. Мою малярию я уже давно забыл и чувствую себя замечательно. Никаких забот не имеем и жаловаться не на что, вот только русских книг не хватает! Писать ничего больше.

will rejoice when all this is over and it will be possible to live as before. I have long forgotten my malaria and I feel great. We have no worries and nothing to complain about, only there are not enough Russian books! There is nothing more to write.

Hello everyone, kiss you and Misya from your booger.

Did I win something in the lottery?

Bunya is going to America?

How is daddy doing? He hasn't written to me for 3 months now, and I'm a little puzzled, since all Nordwall-cases are very deplorable.

Also write in detail about Otto, otherwise I won't know anything about him.

Your money from Russian 14000 marks is not lost yet? Dad has a loss? Bunya earned a lot?

Привет всем, поцелуй тебе и Мисе от твоего Козявки.

В лотерее что-либо выиграл?

Буня едет в Америку?

Как обстоят папины дела? Он мне уже 3 месяца не писал, и я немного озадачен так как все Nordwall-дела весьма плачевны.

Также напиши подробно про Отто, а то про него ничего не узнаю.

Твои деньги из русских 14000 марок пока не потеряны? Папа имеет потери? Буня заработал много?

Conrad Spies to Maria Spies

Ubud, 10/2/1931

Dear Mysya!

Thank you for your letters, woodcut-photos, and Pechory postcards. Unfortunately, I did not have time to write to you before, for I have been working from morning till night at the film, in a village in the mountains near Ubud, where we have been living for three weeks and will be staying for another two weeks. What I wanted to write to you is this: that it is very unbelievable that tourists here would want to buy postcards from the Pechory region, there are lovers here only for postcards from Bali, which is understandable. I will forward you all the postcards back when I have more time and we are back home.

About the movie in Pechory I will write to you later in more detail, for now I will tell you that you should not rely on our company and me, for we have no money, and all the desire for such work has passed.

In a terrible hurry, I kiss you tightly and ask you to bow to everyone.

Your brother Kozka

Valka very much approved of your pictures, and praised the woodcut, but your old engravings and the "Prophetic Noah" are more to my liking. Can you give me some copies?

Убуд, 2.10.1931

Дорогая Мыся!

Спасибо за твои письма, Holzschnitt-фото, и печерские открытки. К сожалению, я не имел времени написать тебе раньше, ибо с утра до ночи работаю при фильме, в деревне в горах, недалеко от Убуд, где мы живем уже три недели и остаемся еще на две недели. Что я хотел написать тебе, это: что здесь очень невероятно, что туристы захотят покупать открытки из печорского края, здесь есть любители только на открытки из Бали, что и понятно. Я перешлю тебе все открытки обратно, когда буду иметь больше времени и мы вернемся домой.

Насчет фильма в Печорах я напишу тебе потом подробнее, пока скажу, что на нашу компанию и на меня не надейся, ибо не имеем денег, и прошла вся охота на такую работу.

В ужасном спехе крепко целую и прошу кланяться всем.

Твой братик Козька

Валька очень одобрил твои фотографии, и похвалил Holzschnitt, но твои прежние Kupferstriche, и „вещий Ной“ мне больше по вкусу. Можешь подарить мне Abzüge?

Conrad Spies to Sophie Spies

Denpasar, 10.10.1931¹

Dear Mama!

There were no free minutes to write to you, we work from morning to evening on a film, drive around Bali, move from one apartment to other places, and today we just drove into the city for 10 days to take pictures at night with searchlights. While preparations are going on, samples are being taken, our actors, new groups are coming with all parties, we are arranging an apartment and so on. And then at night from 5:00 pm until early morning we will work, and sleep during the day—it's hard to imagine that it will be fun.

I have received your letters, Noah's books, and I also thank you for paying the ASV and sending the recipes. I don't think we can prepare cucumbers here, we don't have all the spices here, and the heat is probably not very profitable.

No one writes to me, and I have completely cooled down to correspond, and I don't have time. Now I'm rushing back to the scene of the pictures, preparing all sorts of technical and other tricks for the next night, so as not to get angry and nervous when working with two hundred people of actors tomorrow night.

So do not be surprised that I do not write more and more often. We are all alive and well, there is nothing to complain about, and we have no lingering worries, everything is only from hour to hour, from day to day. Bow to everyone in Dresden, write down how you got on after negotiations with Papa, and send me the Russian books that you have already named.

1 Letter №20.

Денпасар, 10.10.1931

Дорогая мама!

Не имел свободной минуты написать тебе, всё работаем с утра до вечера над фильмом, катаемся по Бали, переезжаем из одной квартиры на другую в разные места и сегодня как раз прикатили в город на 10 дней, чтобы делать снимки ночью с электрическими прожекторами. Пока идут приготовления, пробы, со всех сторон приезжают наши актёры, новые группы, устраиваем квартиру и так далее. А что потом ночью с 5:00 вечера до раннего утра работать будем, а днём спать — трудно себе представить, что будет весело.

Твои письма, книги „Ноя“ я получил и благодарю также, что заплатила АСВ и прислала рецепты. Не думаю, что сможем здесь заготовить огурцы, — не имеем здесь всех притвар, да и жара авось не очень выгодна.

Никто мне не пишет, и я совсем остыл корреспондировать, да и время не имею. Сейчас опять несусь на место снимков, готовить на следующую ночь всякие технические и другие трюки, чтобы не злиться и нервничать при работе с двумястами человек актёров завтра ночью.

Так что не удивляйся, что не пишу больше и чаще. Все мы живы-здоровы, жаловаться не на что, и забот тягучих не имеем, всё только с часа на час, со дня на день. Поклонись всем в Дрездене, напиши, как устроилась после переговоров с папой, и пришли мне книг русских, которые уже раньше назвал.

In Dresden, how many marks for leather tennis shoes or rowing boots without heels?

Your Kozka-Mozka

11.10.1931

Just got up after the first night in the new house. In the evening I dined with a nice old Englishwoman whom we have known for a year. Then we went to the cinema for 15 cents, sat and laughed at the primitiveness of the film and the performance, then fell asleep. Here it is warm at night, a great difference from the mountains from which we came and where we froze at night. And now we are sitting and arguing about how to shoot what, how much money will be needed for this and that, and whether there will be enough money to the end. I don't want to argue, I'm writing to you, with one ear I hear an argument, with the other a gramophone in a neighboring house and throw angry words in support of Valya.

Valka swallowed Russian books in 5 days, despite his work from morning to night, read in every free minute and asks for others. I am just reading a thick and funny book "Clowns and Criminals" and I am glad to read your books another time, even though I read them just before leaving for Bali.

There are very nice Americans here, a husband and wife, he is a composer, she is a beauty, and I court when I have time and a little in love, even with success. Our film-gentlemen are probably leaving at the end of December, and then we will finally have peace and time to do whatever we want and what we need².

Can I send you Russian books with the film-gentlemen or do you not expect them back? Bow from Valya, kiss again, let's go,

your pet foundling

В Дрездене сколько марок стоят кожаные теннисные ботинки или гребные ботинки без каблучков?

Твой Козька-Мозька

11.10.1931

Только что встали после первой ночи в новом доме. Вечером ужинал у славной старой англичанки, которую уже знаем год. Потом пошли в кино за 15 центов, сидели и смеялись над примитивностью фильма и представления, потом завалились спать. Здесь ночью тепло, великая разница с горами, из которых мы приехали и где мерзли по ночам. А теперь сидим и спорим, как что снимать, сколько денег потребуется на то да сё, и хватит ли денег до конца. Я спорить не хочу, пишу тебе, одним ухом слышу спор, другим граммофон в соседнем доме и бросаю злые слова в поддержку Вали.

Валька проглотил русские книги в 5 дней, несмотря на его работу с утра до ночи, читал в каждую свободную минуту и просит другие. Я как раз читаю толстую и весёлую книгу „Clowns and Criminals“ и радуюсь прочесть твои книги в другой раз, хоть и читал их как раз перед отъездом в Бали.

Здесь очень славные американцы, муж с женой, он композит, она красавица, и я ухаживаю, когда имею время и немного влюблён, даже с успехом. Наши фильм-господа уезжают, наверное, в конце декабря и потом наконец-то будем иметь покой и время делать всё, что хотим и что нужно.

Русские книги я могу тебе переслать с фильм-господами или ты их не ожидаешь обратно? Поклон от Вали, целую ещё раз, ай да ухнем,

твой питомец-подкидыш

² The movie was "The Island of Demons", produced by Baron Victor von Plessen.

Conrad Spies to Sophie Spies

Bali, 15 November 1931¹

Dear mama!

I'm thinking a little too late that your birthday is coming up and you won't get this letter in time. Don't be angry about it. I wish you all the best and a long life and no worries and a lot of joy from children and grandchildren and congratulations warmly.

I'll soon be listening to requests like that, too, and I can't say I'll be happy about it, because I'm getting old and ugly, and I'm sure half of my life is already over. Probably the best part of life, because childhood, youth and now everything was and is wonderful and now I have to be an adult and consciously spoon out the whole soup.

I don't doubt that there will be beautiful moments in store for me and that the transition to old age will not be gradual, but we become much heavier in mind and body weight and cannot always say that things will get better. But I'm not worried and don't pull a sour face, it's just life and you have to go along with it and bite through whatever comes along. Growing old at the age of 27 is probably too hasty, but I don't like to part with my youth and I don't like getting further away from childhood every year. I am also remained half a child out of a longing for the good childhood days.

I recently received the last 2 volumes of Krasnoff and thank you for that. I read this book six years ago, and although I got a fabulous impression of it, I now read it with different eyes

Bali, den 15. November 1931

Liebe Mama!

Etwas zu spät denke ich daran, dass Bald Dein Geburtstag ist und Du wirst diesen Brief kaum noch in Zeit erhalten. Sei nicht böse darüber. Ich wünsche Dir alles Gute und langes Leben und keine Sorgen und viel Freude von Kindern und Kindeskindern und gratuliere herzlich.

Mir steht bald auch bevor, solche Wünsche anzuhören und ich kann nicht behaupten, dass ich froh darüber sein werde, denn man wird alt und hesslich und das halbe Leben ist schon sicher vorbei für mich. Der schönste Teil des Lebens womöglich, denn Kindheit, Jugend und jetzt war und ist alles herrlich gewesen und nun muss ich erwachsen sein und die ganze Suppe bewusst auslöffeln.

Ich zweifle nicht, dass mir noch schöne Momente blühen werden und dass der Übergang zum Alter nicht hoppsweise gehen wird, aber man ist viel schwerer in Gedanken und Körpergewicht geworden und kann nicht immerwieder sagen, dass es mal besser wird. Aber ich mache mir keine Sorgen und ziehe keine saure Miene, es ist eben das Leben und da muss man mitmachen und durchbeissen, was da auch kommt. Alt werden mit 27 Jahren ist wohl auch zu übereilt gedacht, aber ich trenne mich nicht gern von der Jugend und jedes Jahr weiter von der Kindheit entfernt zu werden liegt mir nicht. Ich bin ja auch so ein halbes Kind geblieben aus Sehnsucht nach der guten Kinderzeit.

Neulich bekam ich wieder die 2 letzten Bände von Krasnoff und danke Dir dafür. Ich habe dies Buch vor sechs Jahren gelesen und 1 obwohl ich einen fabelhaften Eindruck davon

1 Letter №21.

and with greater intensity. I still like it today. Do you actually want to have all the books you read sent back to you, or can they perish here with Walter?

I don't think I'll read them again in Bali, and it's doubtful that we'll ever have a Russian visitor. So write if you want them back, I will send them one by one then.

We work wildly on the film. Right now we're taking night shots, which put a terrible strain on us and our nerves, and during the day we sleep as much as possible. We have three nights left, the last difficult shots, and then we continue in daylight again. The film should be finished by mid-December, but we still have doubts about it because there are still many scenes and details left.

In any case, it will be a salvation when we have the stuff behind us and can sleep in and live comfortably again. Because since August we've been in a terrible rush from morning to night and can't get any rest. And there weren't many rainy days, so we didn't really have a break at all and are now gradually getting more and more nervous and exhausted. Everything one would like to do is put off, everything is done in a hurry and provisionally and letters are written at random, film comes first.

It is also expected to be very good, so we can be happy after the work is done and proud that we managed to pull through this maneuver despite many difficulties and tireless rushing. I hope you will see him in about half a year or in the autumn of 1932. Can you imagine that every flower in people's hair, every dress and every person was touched and trimmed by me, that in all dance scenes I stood next to the operator and helped him shoot, that I ordered all the props and I stood by each take and watched them play.

I'd really like to see the film myself, maybe in Java, it must seem weird. Hopefully it will only be as good as we make it out to be, and hope-

erhalten habe, so lese ich es nun mit andern Augen und mit größerer Eindringlichkeit. Es gefällt mir auch heute noch gut. Willst Du eigentlich all die durchlesenen Bücher wieder zurückgeschickt bekommen oder können sie hier bei Walter vergehen?

Dass ich sie nochmals auf Bali lesen werde, glaube ich nicht, und dass wir mal russischen Besuch bekommen, ist zweifelhaft. Also schreibe, ob du sie zurückhaben willst, ich werde sie dann eins nach dem anderen schicken.

Wir arbeiten wild am Film. Jetzt mache wir gerade Nachtaufnahmen, die uns und unsere Nerven furchtbar beanspruchen und tagsüber schlafen wir, soweit es geht. Hoch sind uns drei Nächte geblieben, die letzten schwierigen Aufnahmen, und dann geht es wieder bei Tageslicht weiter. Bis Mitte Dezember soll der Film fertig werden, doch zweifeln wir noch daran, denn es sind noch viele Szenen und Einzelheiten geblieben.

Jedenfalls wird es eine Erlösung sein, wenn wir den Kram hinter uns haben und mal wieder ausschlafen und gemütlich leben können. Denn seit August sind wir in einer furchtbaren Hetze von früh bis spät und kommen nicht zur Ruhe. Und Regentage sind nicht viele gewesen, sodass wir eigentlich gar keine Pause hatten und nun allmählich immer nervöser und erschöpfter werden. Alle Dinge, die man gerne tun würde, schiebt man auf, alles wird nur so in Eile und provisorisch abgetan und Briefe werden zufällig geschrieben, Film geht überall vor.

Er wird auch voraussichtlich sehr gut werden, sodass wir froh sein können nach getaner Arbeit und stolz, dass wir dieses Manöver trotz vieler Schwierigkeiten und unermüdlicher Hetze durchgehalten haben. Hoffentlich wirst Du ihn in etwa einen halben Jahre, oder im Herbst 1932 zu sehen bekommen. Kannst Dir dabei denken, dass jede Blume im Haare der Leute, jedes Kleid und alle Leute von mir angerührt und zurechtgemacht worden, dass bei allen Tanzszenen ich neben dem Operateur

fully we'll make money from it for our troubles and deprivations.

So all the best again, greet acquaintances and relatives, kiss Misya and Alexei and let us hear where you are and what's going on.

Warmest kisses from

your little old Foundling Koz'ka

stand und ihm drehen half, dass alle Requisiten von mir beordert wurden und ich bei jeder einzelnen Aufnahme dabei stand und sie spielen sah.

Ich möchte den Film selber verdammt gerne sehen, vielleicht in Java mal, es muss einem komisch vorkommen. Hoffentlich wird er nur so gut, wie wir uns einbilden und hoffentlich werden wir auch Geld damit verdienen für unsere Mühen und Entbehrungen.

Also alles Gute nochmals, grüsse Bekannte und Verwandte, küsse Misja und Alexei und lass hören, wo Du bist und was sich tut.

Herzlichste Küsse von

Deinem kleinen, alten Podkidisch Koz'ka

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 20.11.1931¹

Dear mum!

At the post office yesterday, we realized that we didn't have the money to buy a stamp. So I took the letter back home to wait for better times to come. Wrote another letter to Maria, which I am attaching here and which you must please send to her.

To write about the food: last night we had wild roast, i.e. large herons, a wonderful delicacy that you can occasionally shoot with an air rifle. We had two beautiful beasts, gray with reddish-brown tufts, about a meter tall when standing, but the body like that of a young hen, only much more flesh on the chest. Served with mashed potatoes, fern spinach and cucumber salad. We had a guest, a Dutch painter, a very nice man, whom Walter used to know and who will now be staying with the prince in the village for six months.

Today the tent that aunt Martha gave Walter arrives. We want to go to the mountains to the crater lake for a few days to try it out before heading to West Bali to hunt.

We were recently in West Bali again for 5 days with a young German, but we had no guns apart from air rifles and had only shot pigeons and a wild chicken. Two crocodiles, caught at night with a lantern, are wounded. It's fun to shoot them. You search with the blinding lantern on the beach and then her eyes flicker red and bright. Then you sneak up to within 2 meters

Oeboed, den 20.11.1931

Dear mum!

An der Post, gestern, merkten wir, dass wir kein Geld haben, eine Briefmarke zu kaufen. So nahm ich den Brief wieder nach Hause, bessere Zeiten abzuwarten, die bald kommen. Schrieb noch einen Brief an Maria, den ich hier beifüge und den Du ihr bitte zusenden musst.

Um vom Essen zu schreiben: gestern Abend hatten wir wildbraten, d.h. große Reiher, eine herrliche Delikatesse, die man so gelegentlich mal mit Luftbüchse schießen kann. Wir hatten zwei schöne Biester, grau mit rötlich-braunem Schopf, etwa einen Meter groß, wenn sie stehen, aber der Körper wie der eines jungen Huhnes, nur viel mehr Fleisch auf der Brust. Dazu Kartoffelpüree, Farnkraut Spinat und Gurkensalat. Wir hatten einen Gast, einen holländischen Maler, sehr netten Mann, den Walter von früher kennt und der nun für ein halbes Jahr im Dorfe beim Fürsten wohnen wird, eingemietet.

Heute kommt das Zelt an, das Tante Martha Walter schenkt. Wir wollen für einige Tagen in die Berge, zum Kratersee, um es auszuprobieren, bevor wir nach West-Bali zur Jagd fahren.

In West-Bali waren wir neulich erst wieder für 5 Tage mit einem jungen Deutschen, aber wir hatten keine Flinten ausser den Luftbüchsen, und hatten nur Tauben und ein Wildhuhn geschossen. Zwei Krokodile, nachts mit der Laterne gestellt sind verwundet erwischt. Es macht Spass sie zu schießen. Man sucht mit der Blendlaterne am Strand und dann flackern rot und hell ihre Augen auf. Dann schleicht man hin, bis auf 2 Meter heran, und schießt ins

1 Letter №15.

and shoot in the eye. Big smack with the tail, splashing water and they were gone, into the sea.

One, about five feet long, so small, was in the freshwater puddle and we shot it a few times as it was swimming around after it got a bullet in the muzzle. But then it dug into the mud and it was gone. The other, about ten feet long, was lying on the beach and Walter shot it in the eye while I was blinding.

Also gone, so we decided to buy a Winchester to get better results. And we saw a lot of deer and wild boar, but you can't shoot them with air rifles, they run away when you're within 50 m. And wild buffalo grazed on the hills by the jungle, very far away but clearly visible through binoculars. We slept in Boat in small bay... no mosquitoes. With the tent we want to penetrate inland, sleep on the hills, closer to the tigers and deer and buffalo, but with good guns. It's fun and so wonderfully beautiful!

All the best, greet everyone and many kisses from your

Kozya

Auge. Grosser Klatsch mit dem Schwanz, Wasserspritzer und weg waren sie, in die See.

Der eine, etwa anderthalb Meter lang, also klein, war im Süßwasser Pfuhl und wir schossen paar Mal drauf, als er dort rum schwamm, nachdem er eine Kugel auf der Schnauze hatte. Aber dann wühlte er sich in den Schlamm und weg war er. Der andere, etwa drei Meter lang, lag am Strand und Walter schoss ihm ins Auge, während ich blendete.

Auch der weg, sodass wir beschlossen eine Winchester zu kaufen, um bessere Resultate zu haben. Und viele Rehe und Wildschweine haben wir gesehen, aber die kann man mit Luftgewehren gar nicht schießen, die laufen weg, wenn man auf 50m dran ist. Und wilde Büffel grasten auf den Hügeln am Urwald, sehr weit, aber durch das Fernglas deutlich zu sehen. Wir schliefen in Boat in kleinen Bai... ohne Moskitos. Mit dem Zelt wollen wir landwärts eindringen, auf den Hügeln schlafen, näher zu den Tigern und Hirschen und Büffeln, mit guten Gewehren aber. Es macht Spass, und ist so herrlich schön!

Alles Gute, grüsse alle und viele Küsse von deinem

Kozya

Conrad Spies to Maria Spies

Bali, 11/22/1931

Dear Sister!

Thank you for your letter, for the photo of Al-yoshka, for the opening of the situation and thoughts. Our future is not very beautiful, in every respect you look at it. It's not good for the painters now, nothing to say. Java is almost the best by far, though it's getting more and more sordid there. But mediocre artists come here to Bali, they make a dozen oil paintings, draw 20 colored sketches, and go to Java to exhibit, to hang in hotels. And they sell, come back here with money, and again they smear the canvas and the paper! But even that stops, the buyers are dwindling and the paintings are too bad. But by God, if you had good Russian subjects, paintings like your "Monk" or "Saint George", 20 pieces, then sketches, woodcuts, copperplates, icons, etc, we could arrange an exhibition for you, first in Amsterdam, The Hague, and then in Java, and then in America, in London with the money we earned. But the main things are the choice, the art, and the multiplicity, otherwise you can't exhibit two paintings! However, you can bother yourself in London!

Write to Mrs. Ala Story, 34, Pembridge Villas, London-W, she is a friend of Karin from Vienna (née Ala Heyszl von Heyszenau), who is now an exhibitor in London. I am enclosing my letter to her here, to which you add a couple of lines with details. Maybe she will be able to arrange or advise you.

I have not yet sold "Noah" and please do not send any other copies until I demand it. I will offer it for fl. 100 = Mk 165.

Бали, 22.11.1931

Дорогая сестра!

Спасибо за письмо, за фото Алёшки, за открытие положения и мыслей. Не очень прекрасна наша будущность, в каком отношении не погляди? Художникам прескверно теперь, нечего и говорить. На Яве чуть-ли не лучше всего пока, хоть и там сквернеет не по дням, а по часам. А то вот приезжают сюда на Бали бездарные kunstmalers, наплепают дюжину картину масляных, начеркают 20 покрашенных эскизов и айда в Яву, выставлять, вешать по отелям. И продают ведь, возвращаются сюда с деньгами и снова марают полотно и бумагу! Но и это прекращается, покупатели редуют и картины уж слишком поганые. Но ей-богу, если бы у тебя нашлись хорошие русские сюжеты, картины вот как твой там „монах“ или „Святой Георгий“, 20 штук, потом skizzen, holzschnitten, Kupferstiche, иконы и другое, могли бы мы устроить тебе выставку, например, сперва в Амстердаме, в Гааге, а потом на нажитые деньги в Яве, а там в Америке, в Лондоне. Но главное: выбор, искусство и многочисленность, а то две картины не выставишь! Впрочем можешь сама похлопотать в Лондоне!

Напиши письмо миссис Ala Story, 34, Pembridge Villas, London-W, это подруга Карин из Вены (geborene Ala Heyszl von Heyszenau), которая теперь в Лондоне изъяснительница выставок. Я прилагаю тебе здесь ей мое письмо, к которому ты прибавь пару строк с подробностями. Может быть она сумеет устроить или посоветует тебе.

We are working hard here, just finished the night shoot which lasted 8 nights and exhausted our energy and nerves thoroughly. In a month it should be finished, but we do not believe it and probably one man with the camera will stay until January. To finish. But the work is not as nerve-racking and rushed as it has been in the last four months.

And you're right to go to Russia. It'll be better there than in Europe, which is falling apart. It's settled down there already, hell's order.

Merry Christmas, Happy New Year, New Happiness. Something will happen in 1932?!

Kiss my nephew, bow to Mulek and Ala and don't forget the brother.

Kisses,

your Kozka

„Ноя“ я еще не продал и прошу не слать других экземпляров, пока не потребую. Буду его предлагать за fl. 100 = Mk 165.

Мы здесь работаем во всю, как раз закончили ночные съемки, которые продолжались 8 ночей и исчерпали наши силы и нервы основательно. Через месяц должно быть все закончено, но мы этому не верим и наверное один человек с аппаратом останется до января. Заканчивать. Но работа не такая уж нервная и спешная, как за четыре последних месяца.

А ты верно делаешь, что в Россию метишь. Там лучше будет, чем в развалившейся Европе, уж там успокоилось, адские порядки.

Поздравляю с Рождеством Христовым, с новым годом, новым счастьем. Что-то будет в 1932 году?!

Поцелую племянника, поклонись Мулек и Але и не забывай брата.

Целую,

твой Козька

Conrad Spies to Ala Story

Bali, 23 November 1931

Mrs. Ala Story,
34, Pembridge Villas
London — W11

Dear Ala!

You must have heard that my sister is a painter and an artist in general, who does wonderful things. Maybe you even know her personally from Vienna, Dresden or Sweden, I have no idea.

I want to help my sister to sell some of her things, to make exhibitions and to live from her work, which is good. She just doesn't have enough connections and initiative to make a living.

Would it be possible for you to help her, to advise her, to point out paths and to level? You are, after all, a personality in this field in London and might be able to do something.

I have asked my sister to contact you, to give you all sorts of information about her pictures, engravings and woodcuts and to enclose this letter of mine so that you understand why she surprises you with it.

It would be terribly sweet of you to answer her and let her know how and what is to be done. We both would be very grateful for that!

I sit unchanged happily on the blissful island of Bali and see the end of the film approaching. You have probably already received my letter with photo, which I wrote the other day. The night shooting is happily over and we dwell in cool mountains and shoot the cockfight and what belongs to it. Tomorrow the cameraman leaves and we work on the rest without haste.

Soon I will write again.

Bali, 23 November 1931

Mrs. Ala Story,
34, Pembridge Villas
London — W11

Liebes Alachen!

Du hast sicher gehört, dass meine Schwester Malerin ist und überhaupt Künstlerin, die herrliche Dinge macht. Vielleicht kennst du sie sogar persönlich aus Wien, Dresden oder Schweden, ich ahne es nicht.

Ich will meiner Schwester helfen, etwas von Ihren Dingen zu verkaufen, Ausstellungen zu machen und von ihrer Arbeit, die gut ist, zu leben. Sie hat nur zu wenig Beziehungen und Initiative, um sich durchzusetzen.

Würde es dir möglich sein, Ihr dabei zu helfen, Ihr zu raten, Wege zu weisen und zu ebenen? Du bist doch in London eine Persönlichkeit auf diesem Gebiet und könntest vielleicht etwas unternehmen.

Ich habe meiner Schwester gebeten, sich an dich zu wenden, dir allerlei Angaben zu machen über ihre Bilder, Stiche und Holzschnitte und diesen meinen Brief beizulegen, damit du verstehst, wieso sie dich damit überrascht.

Es wäre furchtbar süß von dir, wenn du ihr antwortest und mitteilst, ob und wie und was zu machen ist. Wir wären beide sehr dankbar dafür!

Ich sitze unverändert glücklich auf der seligen Insel Bali und sehe das Ende des Filmes naher. Dich hat wohl schon mein Brief mit Photo erreicht, den ich neulich erst geschrieben habe. Die Nacht-Aufnahme sind glücklich überstanden und wir hausen im kühlen Gebirge und drehen den Hahnenkampf und was dazugehört.

CONRAD SPIES TO ALA STORY

Greetings and kisses,

your Kozya

Morgen fährt der Kameramann ab und wir arbeiten dann ohne Hast den Rest auf.

Bald schreibe ich wieder.

Grüss-Küss,

dein Kozya

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 25.12.1931¹

Dear mommy!

Thank you for the letter, for the gifts, for the wishes for Christmas, which arrived just in time.

There has been a lot of work in recent weeks, bit by bit our film-mates were leaving, leaving the work to those who remained, so finishing all the little things was not at all easier or more convenient than the whole film. Until the last minute, when it was already necessary to get on the bus to drive to the steamer, we filmed these last remnants, but now, praise God, it's all over. Everyone left, traces evaporate hourly and the whole nightmare of our eight-month mad life is gone. I cannot remember whether I congratulated you on your birth, whether I wrote you for the Christmas and the New Year; in some free moments, I remember writing something to someone, but in such a hurry or so tired that I don't know any more details.

Yesterday at the Christmas tree we were with nice American friends, a young couple McPhee, who lived in Bali for five months and leave us on January 2nd. We ate caviar, goose, drank white, red wine and washed down with champagne, then there were gifts.

We slept at their place, and now we have returned to us all together and they will stay with us for 2-3 days. Recently we were invited to a Balinese prince, then another, then a farewell party in honor of McPhee, hosted by their Balinese friends, and then it seems that peace will

Убуд, 25.12.1931

Дорогая мамочка!

Спасибо за письмо, за подарки, за пожелания к Рождеству Христову, которые подошли как раз.

За последние недели была масса работы, по каплям наши фильм-товарищи уезжали, оставляя работы на остающихся, так что заканчивание всех малостей ничуть не было легче или удобнее, чем весь фильм. До последней минуты, когда уже надо было садиться в автобус, чтобы гнать на пароход, мы снимали эти последние остатки, но теперь, хвала Богу, всё закончено. Все уехали, следы испаряются ежечасно, и весь кошмар нашей восьмимесячной угорелой жизни ушёл в прошлое. Я не могу вспомнить, поздравил ли я тебя к рождению, написал ли к Рождеству Христову и Новому году; в какие-то свободные минуты, помню, кому-то что-то писал, но в такой спешке или таким усталым, что никаких подробностей больше не знаю.

Вчера на ёлку были у милых друзей-американцев, молодой пары McPhee, которые жили на Бали пять месяцев и покидают нас 2 января. Ели икру, гуся, пили белое, красное вино и запивали шампанским, потом были подарочки.

Спали у них, а сейчас вернулись к нам все вместе и они погостят у нас денька 2-3. На днях приглашены к балинейскому князю, потом к другому, потом прощальный вечер в честь МакФи, который устраивают ихние балинезийский друзья, а затем похоже что настанет покой на некоторое вре-

¹ Letter №23.

come for a while, and we can give ourselves to work, rest and charm.

At the end of January I may go to Baron Plessen's expedition to Sumatra or "1000 Inseln" to shoot birds and big beasts, but it has not yet been decided whether he is going.

As for the leather training shoes, I will contact father, he suggests that he will give me something and send me a package. His deeds are bad, now the devil knows how to live in Europe, it is difficult.

Today the heat is terrible, everyone is tired from yesterday's dinner, after lunch we will go to rest, and then we will go to the temple nearby, where there are dances, prayers, music, and we want to take pictures. And in the evening swim in the sea.

There is no news, everyone is alive and well. Say hello to Pol, Dag, Alya, Mulek, everyone. Kiss Misya and Alyoshka, and all the best to you in the New Year and write more often, now everyone has cooled down and I rarely have a letter from anyone.

I kiss you firmly,

your Kozka

Please send this letter to Misya.

мя, и мы сможем отдаться работе, отдыху и очарованию.

В конце января я, может быть, поеду к барону Plessen на экспедицию в Суматру или „1000 Inseln“, стрелять птиц и крупного зверя, но пока ещё не решено, едет ли он.

Насчет кожаных тренировочных туфель я обращусь к папе, ибо он предлагает мне подарить кое-что и послать пакетик. Дела его худые, теперь чёрт знает как прожить в Европе, трудно.

Сегодня жара ужасная, все усталые со вчерашнего ужина, после обеда завалимся отдыхать, а потом едем в храм вблизи, где танцы, моления, музыка, хотим фотографировать. А вечером купаться в море.

Новостей нет, все живы-здоровы. Привет Полям, Даге, Але, Мулёк, всем. Поцелуй Мисе и Алёшке, и всего лучшего тебе в Новом году и пиши чаще, а то всё остыли и я редко имею письмецо от кого-либо.

Крепко целую,

твой Козька

Прошу передать Мисе письмо.

Conrad Spies to Maria Spies

Ubud, 12/28/1931

Dear sister!

I am also writing you a couple of lines, although I have already described all the news to our mother.

How are you doing with your long-distance Alec? Did you get some gesheft going, or did you paint something? Our Daddy lost a lot of money again, and he's a little worried about you, because he has no money to help, and you're not ready to work for yourself and get a better job. "It's not for us to judge, but it's still there."

Our affairs are holding up so far. We don't have to complain yet, everything is going great and fits just right, we rely on God's goodwill and we don't think about the future. We rarely hear about politics, everything is so far away and indifferent, everything does not concern us, and it is difficult to imagine how they live in Europe, if you believe the newspapers, – in fact, of course, everything is easier, they starve and have fun together, and it depends on the viewer, what he sees.

Write to me and tell me if you have arranged anything for your affairs, or you will fall into the abyss before you know it. I have nothing to write, judge for yourself from what you read. And for that all the best to you in 1932 and many kisses.

Your brother, Goat!

Убуд, 28.12.1931

Дорогая сестрёнка!

За компанию и пишу и тебе пару строк, хоть все новости уже описал мамане.

Как живешь-поживаешь с твоим дальним Алеком? Наладила кой-какие гешефты, или намалевала кое-что? Папаша наш много потерял денег опять, кроме того не имеет заработок и немного волнуется за тебя, что мол нет денег помогать, а ты что-то никак не раскachaешься работать на себя, приняться за дело успешнее. „Судить не нам — а воз и ныне там“.

Наши дела пока держится. Жаловаться пока не приходится, всё клеится и укладывается как раз в пору, полагаемся на божие благоволие и в futur не задумываемся. Про политику слышим редко, все так далеко и безразлично, все так не касается нас, и трудно себе представить, как живут в Европе, если верить газетам, на деле конечно все проще, голодают и веселятся вместе, и зависит от зрителя, что он видит.

А ты мне напиши, устроила-ли что либо для устройства твоих дел, а то провалишься в пропасть, и не заметишь как. Писать мне нечего, сама посуди по читанному. И за этим всех благ вам в 1932 и много раз целую.

Твой брат, Козел!

Conrad Spies to Sophie Spies

West-Bali, 8.2.1932¹

Dear Mom!

The sun had just risen, red-yellow, warm and distant. To the right rise five Javanese volcanoes, giants turning pink in the morning rays, to the left a bay, quiet, round, with trees approaching the water, and behind it mountains, mountains in gentle wisps of morning fog, mountains of wild western Bali.

I am sitting on the clean deck of the luxury yacht Northern Lights, owned by Mr. Balakovich and his American wife.

We spent 10 days with them, showing them all the beauty of the South side of Bali, driving around every day in all directions, arranging dances and dinners in turn, either with us or with them on the deck. And now we have been here for 7-12 days to hunt, fish, swim and play bridge.

Today is the fourth day of our voyage along the coast of western Bali, we are standing in Bali Straße, on the narrow channel between Java and Bali.

The water is like a mirror, quiet and blue, sometimes fish, sharks and dolphins splash, frigates soar above us, and birds and monkeys woke up in the nearby forest and squeaked and hummed. A Javanese sailboat floats quietly, on the Javanese coast the houses of the town of Bariwangi turn white, and on ours it is quiet, empty, untouched by people.

I slept on deck, under the stars at first, then I took shelter under the canvas from the dew

West-Bali, 8.2.1932

Дорогая мама!

Только что взошло солнце, красно-жёлтое, тёплое и далёкое. Направо возвышаются пять яванских вулканов, гиганты, розовеющие в утренних лучах, налево залив, тихий, круглый, с подступающими к воде деревьями, а за ним горы, горы в нежных поволоках утреннего тумана, горы дикого западного Бали. Я сижу на чистой палубе люксовой яхты „Северное сияние“, принадлежащей господину Балаковичу с женой американкой.

Мы провели 10 дней с ними, показывая им всю красоту Южной стороны Бали, разъезжая ежедневно во все стороны, устраивая танцы и ужины по очереди, то у нас, то у них на палубе. А теперь мы с ними уехали на 7-12 дней сюда, охотиться, ловить рыбу, купаться и играть в бридж.

Сегодня наступил четвёртый день нашего плавания вдоль берегов западного Бали, мы стоим в Бали-штрассе, на узком канале между Явой и Бали.

Вода как зеркало, тихая и синяя, иногда плескают рыбы, акулы и дельфины, над нами реют фрегаты, а в близком лесу проснулись птицы и обезьяны и пищат и гомонят. Тихо плывёт парусная лодка яванцев, на яванском берегу белеют дома городка БариВинкс, а на нашем тихо, пусто, не затронуты людьми.

Спал на палубе, под звёздами сперва, потом укрылся под парусиной от росы, покрывающей всё мокрым слоем. Проснулся в 4:30 от крика летучих собак, возвращаю-

1 Letter №24.

that covered everything with a wet layer. Woke up at 4:30 from the cry of bats returning from a night flight to orchards in Java, flying continuously, thousands, landing in the forest.

The sailors stretch lazily under the blankets in front, next to me the English captain, the glorious uncle, the handsome giant, about 48 years old, is snoring, and in the cabins Mr. and Madam Blachowicz, Baron Fleetwood, the Swede, and Valya are sleeping.

When we left the South Harbor of Benoa 3 days ago, boat rocked terribly in the evening, without eating anything I lay down on a bench and struggled against nausea, the next morning we woke up, swaying smoothly, at the exit of the river, 400 meters from the shore. We went up the river in a motorboat with guns, shot two dozen birds, snipes, herons, beautiful, of all varieties, killed a very large eagle. Madame received Heron's feathers, white, gray and brown from 3 birds, she was happy, because they cost a lot in Europe and America, but here you can shoot as much as you want. In the evening we rode in a rowboat again along the river, with the flood, climbed far into a narrow place with viscous banks, there was a beautiful sunset, silence, only the gurgling of water near the shore and rare birds.

In the evening, in the low tide, we went quietly down the river, looking with lamps for the eyes of crocodiles. And we saw only 8 crocodiles, their eyes burn with red coal if you shine a lamp in them. We drove up to them at 5 m, shot, saw how crocodiles whipped their tail, splashing us, and then blood, then they dive into mud, dig in and we could not get a single one. There were small ones at 2 meters, there were large ones at 7, and we didn't get a damn thing. We chased one for an hour, it kept diving in other places, then it plunged, probably dead. Leaving for the sea to the yacht, we almost died in [branding], fussed for 2 hours until we got home.

щихся с ночного полёта в фруктовые сады на Яве, летят беспрерывно, тысячи, садятся в лесу.

Лениво потягиваются матросы под одеялами впереди, рядом со мной сопит капитан-англичанин, преславный дядя, великан-красавец, лет 48, а в кабинах спят мистер и Мадам Блахович, барон Флитвуд, швед, и Валька.

Когда выезжали из Южной гавани Беноя третьего дня, вечером качало ужасно, ничего не емши лёг на скамейку и боролся против тошноты, на следующее утро проснулись, плавно качаясь, у выхода реки, в 400 метрах от берега. Поехали на моторке, с ружьями вверх по реке, настреляли две дюжины птиц, Schnepesen, Raicher, прекрасных, всех сортов, уложили пребольшого орла. Мадам получила Raicher [Reiher] перья, белые, серые и коричневые от 3 птиц, была счастлива, ибо они в Европе и Америке стоят много, а здесь сколько хочешь стреляй. Вечером поехали в лодке на вёслах опять по реке, mit der Flut, забрались далеко в узкое место с вязками берегами, был прекрасный заход солнца, тишина, только бульканье воды у берега и редкие птицы.

В темноте, mit der Ebbe, тихо спускались по реке, ища с лампами глаза крокодилов. И видали всего 8 крокодилов, их глаза горят красным углём, если светишь в них лампой. Подъезжали к ним на 5 м, стреляли, видели, как крокодилы хлестали хвостом, обрызгивая нас, а потом кровь, то они ныряют в Schlamm, вкапываются и мы не смогли достать ни одного. Были маленькие в 2 метра, были большие в 7, и ни черта мы не достали. Одного гоняли целый час, он всё всё в нырял в других местах, потом погрузился, наверное мёртвый. Выезжая в море к яхте, чуть не погибли в branding, возились 2 часа пока не добрались домой.

Утром опять поехали в реку, надеялись найти мёртвых крокодилов, но не нашли.

In the morning we again went to the river hoping to find dead crocodiles, but did not find it. We shot the birds again and in the afternoon we went further to the present place. We ran aground, fortunately not too hard, we were able to release. We could see a sandy bottom, 5 m deep, a shark and small fish darted under us. Then we went by boat to the bay. There is an island, mangrove trees, where flying dogs sleep during the day. We climbed out there, went into the depths, it stinks terribly, screeching and squeaking like in hell, and thousands of bats on the trees like fruits, they could be higher, but they are right on the ground. It's embarrassing to shoot, there's no need to catch, they—filthy ones—bite, we took 3 puppies right with a branch, took them off the tree and went home. And as we looked closer,—lousy, a lot of fleas. We did not dare to take them on deck, hung them on a tree, gave each a banana and that's it.

After dinner, we unloaded again, we wanted to shoot deer or a boar. There were thousands of tracks, a roe deer galloped in the distance, they did not have time, and then they sat until night, waiting, but to no avail. There are a lot of mosquitoes, they bite and squeak, they make you remember malaria. And so the days pass, for another week we will ride, shoot, then we will get out to Nord-Bali and go back to Ubud to work, write. It's very nice to have friends with a yacht and ride in the wild.

Early in the morning we drove on, drove around the ledge of the island and stood at the bay in the sea. It rocked again, but we got used to it and didn't notice it that way. We spent the day looking for game, walked almost 5 hours, sat in the trees, waited. A lot of big black monkeys, gray monkeys, [Kashornvogel], wild chickens, but we didn't want to shoot, we were waiting for deer and roe deer.

So wonderful to sit on a tree and wait! Quiet, a breeze, in the bushes a wild rooster with a hen is bubbling, all green-brown, with a red lilac scallop.

Настреляли опять птиц и днём поехали дальше, на теперешнее место. Сели на мель, к счастью несильно, смогли открутятся. Под нами было видно песчаное дно, 5 м глубиной, шныряла акула, мелкие рыбки. Потом поехали на лодке в залив. Там есть остров, мангровые деревья, где спят днём летучие собаки. Вылезли там, зашли в глубь, воняет ужасно, визг и писк как в аду, а на деревьях как фрукты тысячи собак, хоть бы выше, а то у самой земли. Стрелять стыдно, ловить незачем, кусаются поганые, взяли 3 щенков так прямо с веткой сняли с дерева, и айда домой. А как посмотрели пристальнее, вшивые, блох не оберёшься. Не посмели взять на палубу, повесили на дерево, дали каждому по банану и шабаш.

После обеда опять выгрузились, хотели стрелять оленей или борова. Следов тысячи, вдали проскакала косуля, не успели, а потом сидели до ночи, ждали, но безуспешно. Комаров масса, кусают и пицат, заставляют вспомнить малярию. И так проходят дни, ещё неделю будем кататься, стрелять, потом в Норд-Бали вылезем и едем обратно в Убуд работать, писать. Очень симпатично иметь друзей с яхтой и кататься в диком краю.

Утром рано покатали дальше, объехали выступ острова и встали у залива в море. Качало опять, но привыкли и не так замечали. Провели день в поисках дичи, ходили почти 5 часов, сидели на деревьях, ждали. Масса больших чёрных обезьян, серых мартышек, Kashornvogel, диких кур, но стрелять не хотели — ждали оленя и косулю.

Так чудно сидеть на дереве и ждать! Тихо, ветерочек, в кустах клокочет дикий петух с курицей, весь зелёно-коричневый, с красным лиловатым гребешком.

Обезьяны грызут семечки, дерутся, скачут по кустам. Заливается какая-то птичка, чёрная с красным, шумя крыльями грузно пролетят птицы-носороги, сядут рядом и

Monkeys gnaw seeds, fight, jump through the bushes. Some kind of bird, black and red, is pouring in, hornbills will fly by with a heavy noise of wings, sit next to it and croak. And as soon as you move, grunt or strike a match, everything will calm down, the birds will fly up screaming, the rooster and hen will die down, the monkeys will jump to the ground and rush to another tree.

And in the evening, a deer came out in the distance, cautiously, quietly, with his head up, looking and sniffing. I see through the binoculars how it looks around nervously and moves with suspicion towards us. Silently and slowly, I adjust the gun, put it on Fire, quietly raise it to my shoulder and wait. Deer three hundred meters away, too far to shoot with my machine gun that was handed to me on the yacht. Of course, I can fire all 50 rounds, but this is not hunting. And now I'm waiting to see if it will come closer, 100 m. Half an hour passes in anticipation, the deer moves closer to 100 m, stands behind a tree, sniffs and suddenly turns, and stopping uncertainly, retreats to the forest. We were betrayed by the wind, the scent. And again quietly and motionless, until night.

Slept in a hut by the shore. Hard, cold, without undressing. In the dark at half past five in the morning we got up, went back to the place to the edge. We sat, walked, I got hungry, went back to the hut, drink tea, eat,—otherwise it was past ten. And then I hear: a shot, and went back into the forest.

I approached the edge, and there were completely fresh traces of wild buffaloes, grass was trampled, bushes were smeared with wet mud from a puddle-swamp, flies were buzzing on shit. I followed the footprints to the hills, through the bushes and lawns, and saw through binoculars buffaloes—700 paces away. One giant, black, shines like butter, a healthy bullock, like an elephant, and 2 smaller cows, gray, go to the mountains along the lawn, went into the bushes, into the forest. I turned back, I see our

каркают. И только шелохнёшься, крякнешь или чиркнешь спичкой — всё стихнет, взлетят прикрикнув птицы, згинут петух с курицей, спрыгнут на землю обезьяны и понесутся на другое дерево.

А под вечер вдали вышел олень, осторожно, тихо, с поднятой головой, смотрит и нюхает. Я вижу в бинокль, как он нервно осматривается и недоверчиво движется к нам. Бесшумно и медленно я налаживаю ружьё, ставлю на Файер, тихо поднимаю к плечу и жду. Олень в трехстах метрах, стрелять слишком далеко с моим пулеметом, который мне вручили на яхте. Конечно, я могу выпалить все 50 патронов, но это не охота. И вот жду, не подойдёт ли ближе, на 100 м. Проходит полчаса в ожидании, олень придвинулся на 100 м, стоит за деревом, нюхает и вдруг повернул, и неуверенно останавливаясь, отступает к лесу. Нас выдал ветер, нюх. И опять тихо и бездвижно, до ночи.

Спали в шалаше у берега. Жёстко, холодно, не раздеваясь. В темноте в полпятого утра встали, пошли опять на место к опушке. Сидели, ходили, я проголодался, пошёл обратно к шалашу, пить чай, кушать, а то уж десятый час пошёл. А потом слышу: выстрел, и пошёл обратно в лес.

Подхожу к опушке, а там совсем свежие следы диких буйволов, истоптана трава, замазаны кусты мокрой грязью из луж-болота, жужжат мухи на говне. Пошёл по следам на холмы, по кустам и лужайкам, и увидел в бинокль в 700 шагах буйволов. Один великан, чёрный, блестит как в масле, бычище здоровый, как слон, и 2 коровы поменьше, серые, идут в горы по лужайке, зашли в кусты, в лес. Повернул обратно, вижу, наша компания пересекает степь. Два туземца несут косулю на палке, а за ним наши три охотника, Балакович, швед и Валька. Встретились у шалаша, замучились, ходили с 5:00 до 11:00 утра, пить хочется смертельно. С

company is crossing the steppe. Two natives are carrying a roe deer on a stick, followed by our three hunters, Balakovich, a Swede and Valka. We met at the hut, we were exhausted, we went from 5:00 to 11:00 in the morning, we were thirsty to death. A boat came from the yacht with Madame, with the captain, we went to eat.

And after swimming, say goodbye: they go in Surabaya, we—go home in Ubud, on a small sailing boat that drove into the bay. The yacht immediately turned and disappeared, and we had to wait for the wind. We waited until night, the wind was still in the wrong direction, we decided to sleep in a hut, we got food from the yacht, just in case. And in the morning we set off, rode against the wind for 6 hours, rowed, crawled terribly and jumped on the waves like a chip. We arrived at a place with residents, were lucky enough to get an Auto, and drove to Nord-Bali, [North Bali] to Singaraja, to a friend, where our car was supposed to be waiting.

And here we slept through the night, washed, ate and are going home in the evening. We are glad to be at home, it is so good there and there is so much to do.

Well, Maman, the whole story. This is how life goes, every day something different, good, interesting, entertaining. I looked through the newspapers and became sick from all this news in your world: war, revolution, crisis, famine, bankruptcy. May God keep our corner intact.

Had a letter from dad, take care of you, something is wrong you Misya, squabble. No need, make peace!

Aunt Ida wrote too, I sent her a letter back to please my aunt. My Arvid, struck too, after a year of silence, complains about the bad times in New York, earns little, but has good friends. And never a word from my brother.

Bow to the Stukens, Pohl, Russian friends, relatives and so on.

Kiss,

your Koz'ka

яхты приехала лодка с мадам, с капитаном, поехали кушать.

А после купания прощаться: они в Сое-рабая, мы домой в Убуд, на маленькой парусной лодке, заехавший в залив. Яхта тут же повернула и скрылась, а нам ждать ветра. Ждали до ночи, ветер всё не в ту сторону, решили спать в шалаше, еду получили с яхты, на случай. А на утро тронулись, ехали 6 часов против ветра, гребли, ползли ужасно и прыгали по волнам как щепка. Доехали до местечка с жителями, посчастливилось достать Auto, и поехали в Норд-Бали, в Сингараджа, к приятелю, где наш авто должен был ждать.

И вот мы тут проспали ночь, мылись, ели и собираемся вечером домой. Радуемся быть дома, там так хорошо и столько дела.

Ну вот, маман, весь и рассказ. Так проходит жизнь, каждый день что-либо другое, хорошее, интересное, занятное. Просмотрел газеты и стало дурно от всех этих новостей в вашем мире: война, революция, кризис, голод, банкротство. Дай Бог наш уголок продержится невредимым.

Имел письмо от папы, заботиться о вас, что-то неладно ты Мисей, грызётесь. Не надо, миритесь!

Тётя Ида писала тоже, я ей закатил письмо обратно, порадовать тётушку. Арвид мой, чиркнул тоже, после годового молчания, жалуется на плохие времена в Нью-Йорке, мало зарабатывает, но имеет добрых друзей. А от брата моего ни разу ни слова.

Поклон Стукенам, Поль, русским друзьям, родственникам и так далее.

Целую,

твой Козька

Conrad Spies to Sophie Spies

Ubud, 18.2.1932¹

Dear mommy!

I am writing only because in half an hour we are going to the city to the post office, and besides, I recently received a letter from you with photos of Alyoshka and I want to thank you. Alek-baby seems like a nice kid, but it will probably be nicer in a year or two, when a humanoid forms and can lisp and burr, otherwise he's just like a worm, a frog. I compare it with the local babies and see that here they are better, light brown with black curly hair, with understanding, dark eyes under long eyelashes, and impeccably folded—nothing to be afraid of.

We, whites, are generally extraordinary freaks, and although I personally am not badly built, it seems to be equal to nothing, the skin is white with a red-brown tan, overgrown with hair, getting bald, the bones are heavy, large, the nose is long. And here, look at the person, there is only one beauty! Well, there are flabby old women, or there are fat old men, but the color of the skin, the subtlety of the constitution, the movements, save and they also seem beautiful. And what kind of tourists come, I'm sickening to describe!

It is harmful to make instructions that say, at 7:00 it should sleep, at 3 eat, do not smoke or swear. We must give him freedom and teach him by practice, by the right attitude. If you are tired—sleep, if you are hungry—eat. Smoked? well, did you choke? better drop it, you are still small! Are you scolding someone? But is

Ubud, 18.2.1932

Дорогая мамонька!

Пишу только из-за того, что через полчаса едем город на почту, и кроме того имел от тебя недавно письмо с фоточками Алёшки и хочу поблагодарить. Алек-ососок кажется и впрямь славный малыш, но наверное будет славнее через годик или два, когда образуется человекоподобие и сможет шепелявить и картавить, а то таким он просто червячок, лягушонок. Сравниваю я его со здешними младенцами и вижу что здесь они лучше, светло-коричневые с чёрными курчавыми волосиками, с понимающими, тёмными глазенками под длинными ресницами, и безупречно сложены, нечего и опасаться.

Мы, белые, вообще уроды чрезвычайные, и хоть я лично и недурно построен, но кажется и равняться ничего, кожа белая с красно-коричневым загаром, оброс волосами, плешивею, кости тяжёлые, крупные, нос длинный. А здесь, посмотришь на человека, красота одна! Ну есть дряблые старухи, или там толстые старики, но цвет кожи, тонкость сложения, движения, спасают и кажется они тоже красивыми. А что за туристы приезжают, то я описывать тошно!

Вредно делает наставления, что, мол, в 7:00 оно должно спать, в 3 кушать, не курить или ругаться. Надо дать ему свободу и учить его практикой, верным отношением. Коли устал, поспи, коли голодный, покушай, покурил? ну как, поперхнулся? лучше брось, ещё мал! кого ругаешь? Но разве хо-

¹ Letter №25.

it good to say rudeness to someone or show intemperance?

A child is not beaten, not scolded, the reproach should be harmless, concerning the good side, which are developed from birth with kindness. It is good to prove to the child that elders should be honored, that it is bad to lie and steal, and so on.

It is foolish to say: I will send him to the village so that he does not learn bourgeois prejudices, he would not be a fool. It is also foolish to want to make him a gentleman. It is better to make him an educated, understanding person, and if you cannot financially afford to keep him under your influence, put him under the influence of a good person, but one who would not set himself the goal of making the child like him, but like the child himself, with the involvement all good and kind qualities and able to develop a child.

But in general, everything is nonsense! I don't know anything, and giving advice is stupid. But I know how I will educate my children, because I see how beautifully children are brought up here and how easy it is to make them dear people. While there are none of my own, I love strangers and they love me, these brown little men who know their value from the age of 3 and act like reasonable people. End!

I kiss you and offspring,

your Kozkin

рошо сказать кому-либо грубость или показывать несдержанность.

Ребёнка не бьют, не ругают, упрёк должен быть безобидным, касающийся хорошей стороны, которые развивают с рождения добротой. Хорошо доказать ребёнку, что старших надо чтить, что плохо врать и воровать, и так далее.

Глупо говорить: я его пошлю в деревню, чтобы он не научился буржуйским предрассудкам, не был бы шалопаем. Глупо также хотеть сделать его барином. Лучше сделать его образованным, понимающим человеком, и если ты не можешь денежно позволить себе держать его под твоим влиянием, дай его под влияние хорошего человека, но такого, который не ставил бы себе целью сделать ребёнка ему подобным, а подобным самому ребёнку, с привлечением всех хороших и добрых качеств и умеющего развить ребёнка.

А в общем всё ерунда! Я ни черта не знаю, и давать советы глупо. Но я знаю, как буду воспитывать моих детей, ибо вижу здесь, до чего прекрасно воспитаны здесь дети и как легко их делать дорогими человечками. Пока нет своих, я люблю чужих и они меня любят, эти коричневые человечки, знающие свою цену с 3 лет и действующее как рассудительные персоны. Шабаш!

Целую тебя и потомство,

твой Козькин

Dear Mysya, sister-craftswoman!

I imagine how condescending you are to a mother who cherishes the soul in your baby and, in your opinion, does not understand a damn thing about raising babies. Having lived in Bali, I begin to take in the direction of the kind of upbringing that our mother nursed us with, a simple motherly feeling of blind love (Affenliebe), without any knowledge of hygiene, care for babies, without thinking, without philosophizing. If the baby is screaming, then he should feel, and not know, that he may want to suck milk, or there are teeth breaking through or wet diapers.

The child should not be left alone even for a minute, you should hold him as much as possible in your arms, and not put him in the cradle and sit down next to you to work, read. Up to 2 years, it needs to be groomed and cleaned, it is allowed to caress with all sorts of stupid words like a zyuzuuka, a dog, a grandfather, an angel, or kiss him from all sides. Then it's better to stop considering him an uncomprehending creature, to caress him with attention, and not with words or kisses, talk to him seriously about everything, and not chatter, ah-lulu gugu or "who's little here", "my beloved, my sweet!" and so on, what whoopees do.

A five-year-old child should not only understand that the night is due to the fact that the Earth is spinning, but should know that when you put a cigarette on your lips, you need to have matches, and it will already bring matches.

Well, we live as we lived: not boring, not lazy, not hungry, but just everything in moderation. Recently, we rode for a week on a luxury yacht of visiting rich people recommended to us by the Dobravens, [Dobrowens] hunted, feasted, and traveled all over Bali. Now a Dutchman, a local archaeologist, is staying with us, recovering from his illnesses. We play a lot of Bridge, we talk about antiquities.

I took up writing again, little by little I move on,—the film completely knocked me off writ-

Милая Мыся, сестрица-мастерица!

Воображаю себе, до чего снисходительно ты относишься к маме, не чающей души в твоём сопляке и по-твоему убеждению непонимающий ни шиша в воспитании младенцев. Пожив в Бали, я начинаю брать в сторону такого воспитания, которым наша мама высидела нас, простым материнским чувством слепой любви (Affenliebe), без всяких знаний гигиены, ухода за младенцами, без размышлений, без философствования. Если младенец кричит, то должно чувствовать, а не знать, что он может хочет сосать молоко, или там пробиваются зубы или пелёнки мокрые.

Ребёнка не надо оставлять одного ни на минуту, надо держать его как можно больше на руках, а не класть в колыбель и садится рядом работать, читать. До 2 лет его нужно холить и чистить, позволено ласкать всякими глупыми словами как зюзюка, пёсик, дедушка, ангелочек, или целовать его со всех сторон. Потом лучше прекратить считать его непонимающим существом, ласкать вниманием, а не словами или поцелуями, разговаривать с ним серьёзно про всё, а не тараторить, ай-лю-лю гугу или „кто тут маленький“, „мой любимый, мой сладкий!“ и так далее, чем занимаются кликуши.

Пяти лет дитя не только должно понимать, что ночь из-за того, что Земля крутится, но должен знать, что, когда съешь папиросу в губы, надо иметь спички, а спички оно уже принесёт.

Ну а мы живём, как жили: не скучно, не лениво, не голодно, а как раз всё в меру. Недавно катались неделю на люкс-яхте заезжих богачей, рекомендованных нам Добравенами, охотились, пировали, объехали весь Бали. Теперь гостит у нас голландец, здешний археолог, поправляется после болезни. Много играем в бридж, беседуем насчет древностей.

ing. We set up a museum, so far there are few things, and even then only ours. We arranged a large cage for birds, planted Herons and Nightingale, pigeons, and we will collect all kinds of birds there. As for Sumatra, I have not yet heard, our adventure has not yet been decided. Well, it's great here too!

All the best, hello everyone, write what my sister decided and when she goes where.

I kiss you tightly,

your Kozka

Damn! We don't have an envelope at home, I'll send it tomorrow.

Postscript: please give the letter to Misya! and Pohl's children.

Я занялся опять писательством, помаленьку подвигаюсь дальше, а то фильм совсем меня сбил с писательства. Устроили музей, пока мало вещей, да и то только наши. Устроили большую клетку для птиц, посадили голубей райхер, нахтигаль и будем собирать всяких там птичек. Насчёт Суматры пока не имел известий, ещё не решено наше приключение. Ну, да и здесь великолепно!

Всех благ, всем привет, напиши, что решила сестра моя и когда куда едет.

Крепко целую,

твой Козька

Черти! не имеем конверта в доме, pošлю завтра.

Постскриптум: прошу передать письмо Мисе! и детям Поль.